

Диана Хант

16+

Личная
Невеста

Диана Хант

Лишняя невеста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67588656

SelfPub; 2022

Аннотация

Засыпала на вечеринке – очнулась в теле ведьмы, которую вот-вот убьёт её невинность. Пришлось избавляться, не раздумывая. Подручными средствами, а точнее, подручными герцогами. Кто ж знал, что попытка вернуться домой обернётся Отбором у этого самого герцога? Ваша светлость, я просто мимо проходила. Я здесь лишняя, честно!

– Сначала ты сбегашь, подарив мне свою невинность, а теперь хочешь стать герцогиней?

– Нет! Ни в коем случае. Меня просто выбрал этот ваш артефакт.

– И на этот раз тебе не уйти.

– Да я и в прошлый раз не ушла бы, просто эта тьма с глазами сказала, что пробудившаяся сила вернёт меня домой.

– Тьма с глазами? Ты видишь ворлоков?

– А это что-то меняет?

– Это меняет всё. Ты – Источник.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	44
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	68
Глава 11	73
Глава 12	80
Глава 13	87
Глава 14	95
Глава 15	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Диана Хант

Лишняя невеста

Глава 1

Небо пылало, переливалось всеми оттенками пурпурного и оранжевого. Розовый диск солнца уверенно скользил к скрытому за чудными макушками деревьев горизонту. Чудными, потому что не бывает таких деревьев – эдакие зонтики, только гигантские – с необъятными стволами и курчавыми кронами-куполами. В нашем штате так точно не встречаются. Об абсолютно белом цвете коры и нежно-розовой, в свете закатного солнца, листве вообще молчу.

Я сидела, привалившись спиной к нагретому за день дереву и тяжело дышала.

Передо мной клубилась тьма. В буквальном смысле.

Чёрная, в форме небольшого облака и подозрительно любопытная. То и дело она вытягивалась вперёд, заглядывая мне в лицо. Из тьмы на меня смотрели два красных немигающих глаза. Тьма с глазами, в буквальном смысле!

С ума сойти!

Это ж сколько мы вчера выпили, пока развод Беверли праздновали?!

Точнее – чего там такого было в этих коктейлях, что эда-

кий сюр теперь во сне является?

Из чёрного облака передо мной раздался голос. Жуткий и противный, что, в принципе, логично, учитывая, то принадлежал голос тьме.

– Очнулас-с-сь, значит. В с-следующий раз может и не повезти, Анка...

Поморщившись, я отмахнулась.

– Помолчи, пожалуйста!

Мало того, что звуки, исторгаемые тьмой, что есть дури по барабанным перепонкам лупят, до костей пробирают, так глазастая тьма ещё и имя моё изуродовала! Да меня Анкой сто лет никто не звал, с того самого переезда, что разделил мою жизнь на до и после. Впрочем, и раньше, дома, тоже не звали. Ну, может, когда-то в школе «пулемётчицей» дразнили...

Так что пусть это всего лишь сон, но фамильярность, как известно, она и в Африке фамильярность.

– Не дойдёш-шь, Анка! – не унималась тьма. – Надо срочно тебе от невинности избавляться. Не дотянешь с полным резервом до Орен-гоя.

– Уренгоя? – вытаращила я глаза. – Это ж где-то в заполярье, нет? К тому же в России.

Не настолько я вчера на вечеринке у Беверли затосковала, чтобы домой вдруг потянуло со страшной силой. И не настолько наши отношения с Майклом себя изжили, чтобы в заполярье от них бежать.

– Какого ещё Уренгоя? – вытаращила тьма глазищи. – Анка, ты, когда последний раз падала, голову, что ли, ушибла?

– Сделай милость, прекрати меня Анкой звать, ладно? Ненавижу, когда имя коверкают.

– Вот, значит, как ты заговорила... – растерянно протянула тьма и вдруг вся как-то подобралась. Туманные клубы, из которых она состояла, превратились чуть не в вихри. – Вспомнила, что ли?!

– Что – вспомнила? – я приложила пальцы к вискам и поморщилась. Вроде ж во сне голова не должна так трещать. Неправильно это... – Количество шоколадных коктейлей?

– Ты не Анка! – сообщила вдруг тьма уверенно и отпрянула, бледнея на глазах.

– Ну слава богу, разобрались, – пожала я плечами. – Значит, спутал... спутала... спутало меня с кем-то. Обычно, кстати, мне такие не снятся.

– Ох, Анка-Анка, – не слушала меня тьма. – Говорил я ей... предупреждал (ага, всё-таки предупреждал!), что не дойдёт! Надо было сперва девственность терять, а потом уже бежать, давно б в Орен-гое были! Нет, решила, видите ли, по всем правилам! За что и поплатилась. Дура. Какая же всё-таки дура!

Должно быть, (в виде исключения) на этот раз я кое-что даже поняла из горестного монолога тьмы.

Но, скорее всего, это случилось благодаря тому обстоятельству, что головная боль улетучилась, словно её и не бы-

ло, и я начала относиться ко сну... как ко сну, в общем. То есть как к чему-то в крайней степени нелогичному и сумбурному.

Так что удивляться чему бы то ни было, требовать смысла и логики – просто глупо.

Приняв мужественное и гениальное решение ничему не удивляться, я даже посочувствовала незнакомой Анке, с которой, оказывается, меня просто спутали. Видимо, решение не расставаться с девственностью перед каким-то побегом было ошибочным. А судя по воплям тьмы, и вовсе обернулось для этой загадочной Анки прямо-таки настоящей драмой.

– А что с ней случилось? – осторожно уточнила я.

– С кем? – прервав завывания, вытаращила красные глаза тьма.

– Так с Анкой.

– Ты издеваешься?!

– Ещё даже не начинала.

– Так померла она! – внезапно рявкнула тьма. Я даже отшатнулась, приложившись затылком о шершавый ствол. – Если ты теперь на её месте!

– На чьём месте? – уточнила я осторожно. Известно же, с буйными только так и можно разговаривать. А тьма мне попалась психованная какая-то!

– На Анкином, – раздражённо, как будто разговаривает с непроходимой тупицей, буркнула тьма. – Ты в её теле!

Я даже присвистнула. Вот это у меня, точнее, у моего подсознания фантазия! Гилберт обзавидуется! Нет, серьёзно, приснится же такое! Просыпаться разом расхотелось, тем более, что головная боль о себе больше не напоминала. И голос у тьмы оказался не такой и противный.

Когда ещё выдастся такая уникальная возможность на другой мир посмотреть? Пусть и вымышленный. Хотя каким ещё он может быть...

Я снова огляделась. На этот раз медленнее.

Первое, что бросалось в глаза – яркие, сочные краски. Глубокие, дышащие, чуть ли не живые. За такую шикарную палитру душу не жалко отдать! Воздух свежий и даже как будто чуть сладкий, ну, это не удивительно: поле, разделяющее меня с лесом, утопает пышном покрывале синих и лиловых цветов. Крупные, с кулак, бутоны на длинных стеблях смотрятся разноцветными шариками на ножках. Не наша природа, точно, ну, это я сразу заметила.

Моим вниманием вдруг завладел крылатый силуэт в небе. Он кружил над тем самым белым лесом, снижаясь. Вроде и птица, а профиль какой-то не птичий. Мерно вздымающиеся крылья, озарённые отблесками заката, мешают рассмотреть летуна, как следует. Но даже отсюда видно, что это что-то, точнее кто-то огромный.

Я провела ладонью по шелковистой, изумрудно-зелёной траве, затем с интересом оглядела себя. Или, правильнее сказать, ту самую Анку? Ну уж нет. Раз я сейчас в этот самый

момент, снюсь себе в этом теле, значит, оно моё, и точка. А то начнёшь сомневаться и загоняться – и так и до шизофрении недалеко.

Из одежды на мне – неприметное серое платье из льна, кожаные башмаки со стоптанными задниками, на плечах плащ без рукавов, зато с капюшоном и завязками под горлом. М-да. Небогато и по-средневековому убого как-то, что ли.

Но всё равно прикольно!

Губы сами собой растянулись в улыбке.

– Радуйся, пока можешь, – злорадно процедила тьма, от которой не укрылась перемена в моём настроении. И вот тон этот мне совсем не понравился.

– Порадуюсь, не сомневайся, – заверила я хамоватую тьму, поднимаясь и отряхивая травинки с плаща.

Судя по смуглому цвету кожи, тот, что называют кофе с молоком, нет, пожалуй, всё же со сливками, слишком уж холёный цвет этот получился, такой бывает, когда в кофе щедро добавили карамель, по изящным кистям с длинными пальцами и тонкой кости, внешность мне досталась довольно-таки экзотичная. А тело неведомой Инки – совсем юным. Это я поняла не столько даже по нежной, как у ребёнка, коже, но и по внутренним ощущениям. Только в юности переполняет изнутри такая необъяснимая, пузырящаяся лёгкость, желание и, главное, готовность свернуть горы! Забытое ощущение, чего уж там...

Интересно, кстати, на своё отражение посмотреть! Какой бы ни оказалась моя внешность, я себе уже нравлюсь, решено!

– Ещё бы! Какая удача для презренной человечки: оказаться в теле сильнейшей й’эвили! – не унималась тьма.

Не удостоив её (или его) ответом, я решительно направилась вслед за скрывшимся за белым лесом солнцем. Таких деревьев я точно больше нигде не увижу, так что нельзя терять времени. Проснусь – засяду за мольберт на тридцать лет и три года и гори она синем пламенем ненавистная адвокатская контора!

Но стоило сделать буквально пару шагов, как лафа моя закончилась.

Вспышка боли была такой внезапной и острой, что я даже не сразу поняла, что произошло.

А пришла в себя уже на земле, хватая ртом воздух.

Я держалась за низ живота, в который словно нож всадили и содрогалась от мучительных судорог, когда этот самый воображаемый нож поворачивали у меня внутри.

– Ага! – с тоном из серии «а что я говорила!» догнала тьма и зависла прямо надо мной раздражающим облачком. – Далеко собралась, дорогуша?

– Что за на хрен, – пробормотала я хрипло и тьма как будто поморщилась. Надо же, какие мы нежные! – Что... происходит?!

– Сила й’эвили убивает тебя! – злорадно доложила тьма.

– Ну, здравствуйте, приехали, – пользуясь тем, что приступ боли прекратился, причём также внезапно, как и начался, я села и помотала головой. – Я так скоро не хочу. Я здесь ещё ничего не видела.

– А мне-то что? – под красными глазами вдруг образовалась дыра. Сбоку из облака высунулась такая же чёрная и клубящаяся рука и хлопнула себя по этой самой дыре. Должно быть, так тьма изображала зевоту. – Таково проклятье сильнейших чародейек.

– Я ещё и чародейка! – вырвалось у меня обиженное. – Нет, ну тогда со смертью, то есть я хотела сказать, с пробуждением точно пока погодим. И почему это моя сила меня же и убивает?

– Не убивает, а поглощает, – нехотя пояснила тьма. – Тебя ж копить заставили, расплескать ни капли не дали. Ты вон, даром что й’эвили, даже исцелить себя не можешь! То есть можешь, конечно, но не знаешь, как!

Я нахмурилась.

– Ну, если судить по твоей болтливости – зато ты это прекрасно знаешь!

– Знаю, – скривилась тьма, которая с тех пор, как обнаружила, что я не бывшая владелица тела, как будто даже ещё больше почернела. С досады. – Но тебе не скажу.

– Вот ты вредина. Это потому, что я Анкино тело заняла? Так ведь я не специально. Сама не поняла, как здесь оказалась.

– А это твои проблемы, – от меня демонстративно отвернулись.

Но уходить, то есть улетать при этом тьма не спешила. Поэтому возникало чувство, что рассказать ей самой хочется. Должно быть, любит, чтоб её упрашивали. Так что я решила подыграть.

– А может всё-таки скажешь? В виде исключения.

Тьма прищурилась.

– А мне что с этого? У меня с Анкой договор был – я её вывожу, она меня с собой берёт, в нагвали производит... А так мне какой резон?

– Нагвали, – пробормотала я. – Это что-то типа духов-хранителей? Типа фамильяров? Эх, была не была, будет тебе нагвальство высшей степени, только скажи, что делать дальше. Ощущения от этой силы не самые приятные.

– Не обманешь? – прищурилась тьма.

– Вот те крест! – заверила я. – Или как тут у вас клянутся?

Что мне, жалко, что ли? Если, конечно, не проснусь к тому моменту, произведу тьму в нагвали эти.

– Тебе нужно как можно быстрее лишиться невинности, – огорошила меня тьма. – Анку готовили для прямой передачи. Потому и сбежала, дурёха.

Глава 2

– Ух ты, – довольно потёрла я руки. Про некую прямую передачу, конечно, немного не догнала, но вот остальное...

– Даже интим будет? Такие сны я люблю!

– Да не во сне! – поняли меня превратно. – Срочно нужно искать мужчину!

– Издеваешься? – я снова поднялась и потопала вперёд. Потому что лежать и ждать, когда в очередной раз скрутит, это точно не по мне. Тьма чёрным облачком летела рядом. Первое очарование яркой картинкой благополучно схлынуло: слишком уж реалистичным оказался сон. И боль была слишком... Да просто *слишком!* – Где я тебе здесь мужчину найду?

Тьма крутанулась на месте, вращая глазами.

– Где-где, – передразнили меня. – Направление-то выбрала правильное! У Древа душ кто-то... Причём, похоже, не просто чародей, а йерхв.

– Это что значит? – спросила я с опаской.

– Темнота! Откуда только взялась только на мою голову!

– Голову? – возмутилась я. – Ты в зеркало давно смотрелась? И по поводу темноты, на минуточку... Кто ещё из нас тёмный!

Какое-то время тьма молчала. Должно быть, решала, обижаться или нет. Затем, видимо посчитав мои замечания пра-

вомочными, всё же буркнула:

– Йерхв – значит, служитель культа Ийериви. То есть тот, кто тебе нужен. Маг.

– Ох, может, найдём кого попроще? – усомнилась я. – Слишком уж важно звучит.

– Ты обалдела? – опешила тьма. – Может, тебе ещё отбор женихов здесь устроить?

Внутри что-то кольнуло. Неприятно довольно-таки. И дело было не в ехидстве глазастой тьмы: слова про отбор мне не понравились. Совершенно.

Ах да! Мы же поспорили вчера с тёткой Беверли, Алишей! Чуть не с пеной у рта причём. Она доказывала, что её обожаемое шоу «Холостяк» – это про романтику, чувства и отношения. И любовь, что правит миром, да. Я же заявила, что всё это чушь коровья, и чувства с романтикой тут ни причём. Поелику сие шоу – фальшивка и постановка от начала и до конца. Убивание времени. А миром, если на то пошло, правит здоровый прагматизм, умение вести переговоры и договариваться. Ну и гормоны ещё, пожалуй...

Как тётка Беверли принялась меня жалеть!

При Майкле, что было совсем уж оскорбительным.

И на этом она не остановилась! Сказала, что даже не сомневается в том, что я ещё встречу свою любовь! И это при живом-то муже! Накануне хрустальной свадьбы!

Понятно, что я оскорбилась. Правда, виду не подала.

Вместо этого обратила внимание, что любовь в её обожа-

емом шоу выступает, вообще-то, в качестве приза. Что её же саму и обесценивает. Что и требовалось доказать.

Беверли тогда быстро перевела тему, и вскоре все забыли о нашем с Алишей споре. Но вот осадочек неприятный остался. Подозреваю, не только у меня. Алиша буравила меня взглядом весь оставшийся вечер. Неприятное ощущение. Словно по лицу букашки ползают.

Мэриан ещё вытянула меня на веранду жарко зашептала на ухо, чтоб не злила тётку Беверли. Мол, Алиша – самая настоящая колдунья-вуду. Вот отольёт мою фигурку из воска и утыкает иголками, как дикобраза, буду знать. Я, разозлившись окончательно, посоветовала Мэриан завязывать с травкой...

...– Так что бери, кого дают! – возопила над ухом тьма и я поняла, что она уже давно разоряется. Собственно, и не замолкала всё это время.

– Если, конечно, дойдёшь до Древа душ! – съехидничала тьма.

«Не волнуйся, ещё как дойду», – собиралась я её заверить, но ещё один невидимый нож в животе скрутил меня пополам.

К тому времени, как удалось добраться до леса, я уже с тьмой не спорила. И вообще, слов понапрасну не тратила. Берегла силы. Вспышки боли участились, и, что хуже, усилились. Каждый раз я только чудом не отключалась. Подозреваю, в сознании меня удерживало чистой воды упрямство.

Ну и злость на безвременно ушедшую Анку – вот чего, спрашивается, было столько тянуть?!

Если невинность причиняет столько страданий, так может, ну её к чёрту, эту невинность?

А мне теперь, вместо того, чтобы цветочками-бабочками любоваться, и запоминать цветовые сочетания для будущих шедевров, только время тратить... Хотя это я брюзжу. Мне тут вроде как предлагают приключение поинтереснее, чем любованье пейзажем. Просто «манера этого предложения», а именно, её настойчивость укатала, честно!

Стоило шагнуть под свод белоснежных крон, как к тревоге – а не будешь тут тревожиться, когда тебя вот-вот снова скрутит! – добавилось ещё одно ощущение. Очень, хм, интересного свойства. Я даже сперва не поверила, пока не удостоверилась, что... оно. Как бы это сказать, предвкушение. Того самого, ага. Интима. Причём – интима качественного. Желанного.

Да если тьма с глазами права и этот самый интим избавит меня от этих мучений – он уже будет лучшим в моей жизни!

– Вперёд, шире шаг, пехота! – тьма, летевшая впереди, время от времени оборачивалась на меня и принималась подбадривать.

– Да иди ты, – прохрипела я, в очередной раз сползая по стволу на землю и сжимая зубы, чтобы не орать. Эдак мы всю добычу испугаем. То бишь потенциального растлителя. Ещё сбежит этот хрен, или как там его, волхв, йерхв... и,

поминай, как звали. Только зря терпела этот ад, получается.

– Совсем немного осталось!

– Нет, – покачала я головой. – Не дойду. Ну его нафиг, этот сон. Просыпаться буду.

– Это каким, интересно, образом? – с осязательной долей ехидства поинтересовался мой собеседник.

Я сжала зубы, переживая очередную вспышку раздражающей все внутренности боли и процедила, не желая продемонстрировать снимающейся тьме свою слабость:

– А чего сложного... Как ты говоришь, умру. А сама проснусь у себя дома. Дурацкий, боже, какой же дурацкий сон!

Тьма мелко затряслась от хохота.

– Ты, если кони двинешь, – нет, дипломатия точно не её конёк, – как миленькая, на Звезду отправишься.

– На какую ещё, блин, Звезду...

– Ты сюда с помощью магии перенеслась, если до сих пор не дошло. И обратно тоже только магией можно.

– Ты же говоришь я й'эвили, – фыркнула я.

– А ещё я говорю, что как маг ты сейчас – слабее младенца. Так что, если обратно мылишься, без магии тебе никак нельзя. Сюда-то сильная колдунья закинула, я же вижу! А чтоб магию пробудить, сколько раз повторять, с девственностью надо расстаться. Ты вроде умнее Анки, так какого хека разлегалась, как на морском берегу?!

Пока тьма распиналась, приступ боли успел сойти на нет,

а вместе с ним ощущение реальности снова притупилося, уступая место туманной дымке в сознании и лёгкому чувству прострации, которые присуще снам. Неужели на какой-то миг я поверила снимающему мне облаку с глазами?! Булшит. Чушь коровья.

– Не тормози! – прикрикнула на меня тьма. – Чем ближе Древо душ, тем меньше боли, я же вижу. Так что хватит валиться, руки в ноги и вперёд! Не смей помирать, слышишь?! Тебе ещё в нагвали меня посвящать!

Огрызаясь, но больше для проформы, я поднялась и устремила вперёд.

Упрямяство наше всё.

А тьме, конечно, хорошо рассуждать – не так мне больно, видите ли, видит она! Её б на моё место!

Дождавшись, когда очередной приступ утихнет, я понеслась вперёд, и вовсе не разбирая дороги. Вот уж точно не до пейзажа. Головой бы не приложиться об один из этих фарфоровых стволов – а то ведь если отключусь, уже не встану. И тогда, спрашивается, на хрена было всё это терпеть?!

Но всё же тьма оказалась права: чем дальше я шла, тем больше тягостное воздействие треклятой девственности сходило на нет. Зато усиливался жар в теле, в животе сладко ёкало, а сердце сжималось.

И такой сладкий, едва уловимый звон в ушах, чуть туманная лёгкость в голове – ну точно студентка, что бежит на сви-

дание...

И пусть мне давно не восемнадцать, а беззаботная студенческая жизнь осталась далеко позади, но всё же это мой сон и свидание у меня будет! Опять же, тьма с глазами сказала, что чувствует ну очень сильного хрена... то есть, я хотела сказать, йерхва. Что, опять же, мне на руку.

– Дальше – сама! – скомандовала тьма. – Тебе вон к тому дереву. Это и есть Древо душ.

Лес закончился, и мы оказались на краю обрыва. Я взглянула вниз и отпрянула, от высоты закружилась голова. Но и мгновения хватило, чтобы разглядеть клочкастые обрывки чёрного тумана, стелющиеся по каменному дну ущелья. Впереди, прямо в воздухе, висел остров. Ну как остров, островок. На нём – непонятно как – росло ещё одно дерево. Тоже белое, но с макушки-зонтика свисали до земли не то ивовые ветви, не то лианы.

За ветвями угадывался силуэт.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять – это и есть тот самый хрен, тьфу, йерхв, который мне нужен. Но... как до него добраться?! По воздуху я не умею. Но проверить не помешает – во сне, как известно, и не такое бывает. Чуда не произошло. В воздухе я не зависла. А потому решила, что самое время возмутиться.

– Что значит, сама? – воскликнула я, потому что это напутствие глазастой тьмы уже какой-то подставой пахло. – Или ты того, перехотел в нагвали?

– Да пойми ты! – тьма от возмущения подскочила на месте. – Нельзя мне туда! Он же йерхв! Он меня увидит!

– И что? Думаешь, застесняется?

– Он охотится здесь на таких, как я, – мрачно сказала тьма. – А к Древу душ пришёл за силой. Иди! Как только магия пробудится, сразу обратно! Будем выбираться отсюда, – и тьма крутанулась вокруг своей оси, тревожно оглядываясь.

Я не успела ехидно поинтересоваться, каким образом мне «идти», как тьма затряслась, завибрировала, заплясала на месте. С самого дна стал подыматься туман. Чёрные клубы выстраивались в узкую тропинку над пропастью.

– Быстрее же! – рявкнула тьма. – Долго мне их не удержать! Я буду ждать здесь!

Плюнув, и решив, что стоит, пожалуй, послушаться, всё лучше, чем стоять и ждать, когда невинность-таки доконает меня, я шагнула на туманную тропинку. Туман спружинил под моим шагом, тропинка прогнулась, но удержалась в воздухе. С замирающим сердцем я устремилась вперёд.

В животе снова кольнуло, и я, опасаясь, чтоб не скрутило прямо над пропастью, понеслась к гигантской иве, чуть не сломя шею.

Глава 3

Прежде, чем развести мягкие на ощупь, белоснежные ветви, в стороны, я замешкалась.

Я здесь по конкретному и безотлагательному телу, то есть делу.

Невинность терять пришла.

И вот в самый последний момент кольнуло: а вдруг этот хрен-йерхв откажется? Ощупав пальцами лицо, ничего отталкивающего в виде бородавок там, шрамов или свёрнутого набок носа, не обнаружила. Только лишний раз подивилась мягкости и нежности своей кожи. Как будто к ребёнку прикасаешься.

И тем не менее – вопрос с девственностью нужно решать, и чем быстрее, тем лучше. Я, конечно, ещё держусь, но, похоже, больше из упрямства и любопытства. Но (что-то тихо, но довольно убедительно шепчет, подсказывая изнутри) ещё одного приступа мне не вывезти.

Значит, действовать надо наверняка. Палить из всех орудий.

Было б мне столько лет, сколько этому телу, я бы, наверное, застав мужика врасплох, даже несмотря на боль и крайнюю степень необходимости, принялась бы мяться, краснеть, бледнеть, объяснять «всё, как есть» и призывать быть рыцарем, не оставлять даму в беде.

Вот только жизненный опыт, пусть с точки зрения тётки Алиши и небольшой, и, если честно, не очень, чтоб богатый (но уж какой есть), подсказывал, что в этом деле разговоры лишние. Более того, наши женские «объяснялки» только всё портят. Ведь известно, что это женщина любит ушами, а мужчина всё-таки другим местом. И воздействовать надо на это самое место. Бить, как говорится, строго в прицел.

С этой мыслью я храбро потянула за завязки плаща, затем принялась споро расшнуровывать платье, радуясь, что шнуровка расположена спереди... Поочерёдно упираясь носком одной туфли в смятый задник другой, избавилась от обуви.

Это только женщины поднимают визг и машут сумками, когда перед ними в парке незнакомый дядя плащ распахивает. Руку дам на отсечение, явись таким экзотичным образом перед представителем сильного пола младая нимфа, блажить он точно не станет. А уж ежели эта нимфа с самыми, что ни на есть, нимфоманскими намерениями, тут вообще всё понятно. Главное, чтоб супруги поблизости не оказалось.

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что парковые извращенцы все, как один, до боли паскудного вида. Вот если б перед нами из кустов всякие «хьюджекманы» выскакивали, глядишь, и мы б вопили уже и не так убедительно...

Стянув платье через голову, я лишний раз убедилась в гениальности своего коварного плана: тело у неведомой Анки оказалось не просто красивым, а, без ложной скромности,

восхитительным! Мне, конечно, всегда были ближе пейзажи, но попадись мне такая натурщица, никаких денег не пожалела бы, чтобы уговорить её мне позировать.

Аккуратная девичья грудь, тонкая талия, приятно округлые бёдра, длинные ноги с маленькими изящными ступнями – удивительная гармония хрупкости, женственности и изящества. Эдакое очарование готового распуститься бутона... На теле удивительного оттенка карамельного кофе со сливками ни единого волоска. Эх, увидеть бы этого йерхва, которому такая красота достанется. Надеюсь, он хотя бы не горбатый. Судорога, заставившая согнуться пополам, ненавязчиво напомнила, что мне ли выбирать.

Что ж, до этого момента визуальные настройки удивительного сна радовали. Так что тьфу-тьфу-тьфу, пусть и сейчас не подкачают.

Представив, что и в нашем мире невинность начнёт приносить столько же хлопот, и, в предчувствии приближения эдакого пушного зверя, девицы станут выбегать из домов и носиться голышом по улицам в поисках добычи, с совершенно ошалевшим видом, я хихикнула. Вот когда, должно быть, наступит истинно мужской рай...

С этой оптимистичной картинкой перед глазами я вытащила из волос деревянные палочки, придавая своему готовому к разврату облику завершающий штрих, а именно – рассыпая волосы по плечам. Они у меня оказались чёрными и блестящими, как у куклы. А ещё густыми и тяжёлыми.

Тряхнув головой, я зачем-то осенила себя крестным знаменем и решительно развела свисающие лианы в стороны, шагая под сень этого их Древа душ.

Глава 4

Мужчина стоял перед фарфорово-гладким стволом на одном колене. Склонив голову, что-то говорил нараспев. Голос у него был глубокий, звучный. Как на мой вкус, так чересчур низкий, но зато с будоражащими бархатистыми нотками. Ладно, уговорили. Нормальный голос. Даже... какой-то магнетический, что ли.

То обстоятельство, что стоял мужчина вполоборота ко мне, позволило присмотреться к объекту своей сексуальной фантазии повнимательнее. Что ж, ширина плеч не подкачала. Профиль тоже, кажется, правильный, с высоким лбом, крупным прямым носом и решительно торчащим вперёд подбородком.

Оценить узость талии и подтянутость ягодиц (а иначе я не играю) мешал длинный синий плащ, переливающийся в неоновом свете лиан... я только сейчас заметила, что ниспадающие на землю «ивовые ветви» с этой стороны, так сказать, с изнанки, излучают мерный приглушённый свет. Оглянувшись, я поняла, что прожилки на листочках пронизаны фосфоресцирующими прожилками. Красиво. Очень. Преломление света создаёт приятный полумрак, и в то же время словно находишься в беседке с ажурными светящимися стенами.

Мужчина что-то сказал снова, и я вновь обернулась к нему. Только не говорите, что вот-вот сейчас этот странный

сон закончится. Потому что голос у него всё-таки подходящий... И даже более, чем. Вот если и всё остальное окажется не хуже, то мне совсем повезло.

Я уже хотела как-то обозначить своё присутствие, как вдруг мужчина порывистым движением вытянул в сторону дерева руки. На распахнутых ладонях лежит обнажённый меч.

Покашливание так и застряло в горле. Соваться под руку к незнакомцу, к тому же вооружённому незнакомцу, с, судя по нашей с ним одежде, средневековой психологией? Может, ну его, этот сон, а? Пора просыпаться?

Вот только если б это было так просто... Подумала – и проснулась.

Да и если уж говорить откровенно, просыпаться не хотелось. Что я, столько вытерпела, чтобы голос послушать и профилем полюбоваться?

Надо бы всё же как-то дать понять, что он здесь не один, может, тогда перестанет с деревьями разговаривать...

И надеяться при этом, что в меня не запустят мечом. Хотя это ж вроде копья бросают. Метают точнее. Ну, кинжалы ещё. Дротики...

Я так увлеклась разглядыванием мужчины и своими мыслями, что не сразу поняла главное. Чуть ли не основное.

Говорил мужчина на другом языке!

Из которого я ни слова не понимала!!!

И вот как теперь быть, а?!

Так, спокойно, Аня, спокойно. Держи себя в руках. В штанах-то держать уже поздно.

На каком языке я говорила с тьмой?

Вообще я свободно владею двумя языками, родным и английским, могу объясниться в Париже и Монреале, и меня даже поймут. Убей бог не помню, как мы договаривались с тьмой с глазами, но языкового барьера точно не было! И как мне теперь призвать сего индивида к, хм, неотложной сексуальной помощи? Хотя о чём я. Стою тут голая, абсолютно. Если не дурак, сам догадается. А если дурак... что ж, не судьба тьме в нагвали повышаться. Пусть другую ведьму ищет, которая не будет носиться со своей девственностью, как с писаной торбой...

Я уже даже кашлянула. Робко так, нерешительно, как и подобает юной невинной деве, заставшей врасплох отважного рыцаря за беседой с самим собой. Хотя, по логике, это юную деву полагается заставить врасплох, ну да нет в жизни совершенства.

Что обидно – меня не услышали.

Потому что этот псих вдруг полоснул себе мечом по руке!
Прям по ладони!

Причём меч у него, наверняка настоящий, не бутафорский. Эдаким запросто полруки отхватить можно!

С рассечённой ладони заструилась кровь. В неверном свете фосфоресцирующей листвы она казалась густой и тягучей. А может, как это случается во снах, просто время стран-

но замедлилось. Казалось, каждая капля тянет до последнего, прежде чем обрушиться на землю, а потом так же медленно стечь по белому мху к корням дерева и исчезнуть под ними бесследно.

Нет, похоже, не судьба мне расстаться с невинностью во второй раз, пусть и во сне. Этот тип какой-то маньяк. Вон, руки себе режет. Сейчас за ноги примется. Мало ли что такому в голову придёт. Ну и ладно. Ну и не очень-то и хотелось. Уйду, как говорится, незамеченной, и пусть его полюбит лошадь злая, а не такое солнышко, как я. Ещё и в теле юной, безвременно почившей от собственного ханжества, Анке...

Я уже даже шаг назад сделала, и ощутила, как пятку защекотали висячие фосфоресцирующие лианы, как вдруг... Нет, ничего нелогичного. Просто скрутило снова. Серьёзно так скрутило.

Причём на этот раз я всё-таки отключилась.

Глава 5

Я пришла в себя от похлопывания по щекам.

Не размыкая век, отмахнулась от чьей-то бесцеремонной ладони.

– Только не надо фамильярности, – вырвалось само собой.

– Я не фамильяр, – ответил мне мужской голос, причём, судя по паузе перед ответом и интонациям, ответил, находясь в лёгком таком охрениии. – Я – йэр.

Это ещё кто? А Майкл где? Почему он позволяет хлопать свою жену по щекам, к тому же незнакомым мужикам? Я точно помню, с вечеринки Беверли мы вчера уехали. Так какого булшита некий самоуверенный «йэр» делает у нас дома?!

Открыв глаза, я чуть не взвизгнула от неожиданности, потому что, вопреки всякой логике, сон продолжался!

Надо мной склонился тот самый подозрительный тип, который с деревьями разговаривает и руки себе режет! А не завизжала я... потому, что вблизи он оказался совершенно крышесносным!

Идеальные, словно и не человеческие вовсе, черты. Красиво вылепленные высокие скулы, впалые щёки, квадратный подбородок, сизый от лёгкой щетины... Лицо, в каждую черту которого хочется вглядываться со страстью визуального маньяка, понятной каждому художнику. Даже обидно, что в

этом полумраке толком и не рассмотреть детали. А что рассмотреть? Крупный ровный нос а-ля мечта скульптора. Чётко очерченную линию рта. И глаза... чёрные, завораживающие, пронзительные. Да, пожалуй, мужик из тех, в которых влюбиться с первого взгляда – как нечего делать.

– В смысле йэр? – помотав головой, переспросила я, прокручивая в памяти реалии этого сна. – Разве не йэрхв?

Ощущение чего-то гладкого под спиной не приснилось. Я лежала на том самом синем переливающимся плаще. Соответственно, пока валялась в отключке, он устроил занедужившую мадам с удобством. А значит, не совсем маньяк.

И если принять во внимание, что мне, согласно навеянному (подозреваю, что длительным воздержанием) сюжету, предстоит соблазнение этого представителя местных йэров, что бы это ни значило, то... нет, ну до чего же всё удачно складывается! Главное, не переборщить с болезненностью, мужчины предпочитают здоровых самок, это я точно знаю. Впрочем, с таким телом, как у меня... Мысль, что пока он переносил меня на плащ (ну не волоком же ташил?) успел рассмотреть во всех подробностях, заставила запылать щёки и губы, бросила в жар, взбудоражила и вместе с тем смутила.

Захотелось вдруг прикрыться, хоть чем-то. Да хоть бы и этим его плащом.

Сказано – сделано. Не сводя взгляда с незнакомца, робко натянула на себя край плаща, прикрывая стратегически важные верхние девяносто и то, что пониже. Не меньшей стра-

тегической важности, а даже большей.

Судя по тому, что брови мужчины не замедлили съехать у переносицы и между ними пролегла недовольная складка, мой скромный жест пришёлся кое-кому не по душе. А может, просто бывший вид нравился больше. Жалко всё же, что я понятия не имею, как выгляжу!

Да что это со мной? Откуда взялось это стыдливое желание прикинуться ветошью или, что лучше, провалиться под землю? Какое-то навязчивое стремление сгореть от стыда! Ведь, казалось бы, судя по тяжёлому дыханию незнакомца, расширяющимся ноздрям и жадному взгляду – интим у меня таки будет! Ещё и с таким красавчиком. Жизнь определённо начинает налаживаться!

Так откуда взялось это стеснение, которое совсем некстати?!

Ведь до этого я с лёгкостью играла по правилам, диктуемым сном. То есть сон, конечно, не причём, всё дело в моём собственном подсознании, а мы с моим подсознанием друзья (я надеюсь) и оно почём зря меня не обидит. Что же касается продиктованных мне несуразным сюжетом адских мучений, прежде, чем получить «сладкое», так и здесь всё логично.

Разве не в этом заключается секрет загадочной русской души – настрадаться вволю? Особенно для того, чтобы что-то заслужить?

Увы, в отличие от Михаила, американкой я так и не стала.

Но вот раньше, до этого самого момента, если забыть про этот жуткий несуществующий нож внутри (а, пожалуй, что и меч... бр-р-р), всё это воспринималось, как сказка. Яркая, красочная фантазия.

А теперь, в присутствии этого незнакомца всё стало каким-то уж чересчур реалистичным! Абсолютно! Как в жизни прямо...

А в жизни... Да в жизни, окажись я в подобной ситуации я б со стыда померла, вот на месте. Я и с мужем, что называется, «решилась», после двух лет «хождения по мукам». То есть я имею ввиду, «хождения за ручку». И то, не поставь тогда Миша (во времена нашего счастливого студенчества он ещё не был Майклом) ультиматум, и дальше бы тянула... Как бабушка воспитывала, до свадьбы. Но свадьба всё же состоялась, и я не чувствовала себя такой уж виноватой...

Ну вот о чём я только думаю?!

Коловорот самых разных, разношёрстных и противоречивых мыслей пронёсся в голове буквально в одно мгновение.

Между тем, так и продолжающий хмуриться и неодобрительно коситься на прикрытую плащом меня мужчина вдруг пожал плечами и заявил:

– Так ведь йэр выше по положению, чем йерхв.

Причём сказал это таким тоном, словно лучшего аргумента для моего «разоблачения» и быть не может. И даже, как будто случайно, за край плаща потянул.

Рефлекс меня опередил.

Хлопнув незнакомца по руке, строго сказала:

– А это уже мне решать.

И вот если он раньше выглядел так, несколько озадаченным, то теперь на мужественном лице отразилась вся степень глубочайшего охрещения.

Вот так вот, знай наших!

Убедившись, что бразды правления собственным сном снова в моих руках, я решила, что не помешало бы также разобраться с этим похлопыванием по щекам. Тоже мне, предварительные ласки. Поэтому, потирая про себя ладошки, посмотрела на мужчину как можно строже.

Похоже, нужно решаться. Сейчас, как говорится, или никогда. Несмотря на пластичность «сонного пространства» и его умение уместать десятилетия в одну-единственную секунду между звуками будильника перед пробуждением, всё же оно не резиновое.

Ведь не тяну же я время, потому что собираюсь изменить Майклу? Во сне, ага. Ещё и в чужом теле. Глупее ничего не придумать. Тут, если разобраться, и измены-то никакой нет. Так, лёгкий вуайеризм... Ну, одна из его разновидностей. Для тех, кто с богатой фантазией. Способных принять сон за реальность.

Кстати, о реальности.

Судя по жадному взгляду красавца-незнакомца, я поняла, что от интима мне всё-таки не отвертеться.

И даже не потому, что от этого напрямую зависит жизнь

конкретно этого юного и прекрасного тела, и не потому, что несмотря на чувство стыда, окатывающее изнутри волнами, я его хотела. До дрожи. До поджимания пальцев на ногах...

А потому что этого хотел он.

Глава 6

Мужская ладонь коснулась щеки, чуть шершавый палец прошёлся по губам, приоткрывая их. Короткая, скупая ласка отозвалась подрагиванием внизу живота. Тело словно прошил разряд тока, заставляя шумно выдохнуть и выгнуться навстречу мужчине.

Но это самое подрагивание внутри, в котором безошибочно распознала крайнюю степень возбуждения (хоть и бывало такое со мной нечасто) и сыграло со мной злую шутку. Внизу живота всё сжалось, отдаваясь болезненной судорогой во всём теле, и предчувствие нового приступа так и подкинуло, заставляя обхватить мужчину за шею и припасть в поцелуе к его губам.

Скажите, нелогичное поведение для подыхающей от боли юной девы, или, скорее, вполне себе взрослой тридцати шестилетней художницы-эмигрантки на родину Авраама Линкольна и Марка Твена?

Нелогичное, зато действенное, вот что я на это отвечу!

Потому что стоило нашим губам соприкоснуться, начинающая было разворачиваться, и обещающая стать прямо-таки адской, боль самым чудесным образом трансформировалась в такой острый, на грани с болезненным приступ желания, что я невольно застонала мужчине прямо в губы, выгнулась ещё больше, чувствуя, как край плаща соскальзывает с гру-

ди.

– Вы в порядке, лейла? – спросил мужчина хриплым голосом, отстраняясь.

Что, впрочем, не помешало ему сграбастать меня в охапку весьма собственническим жестом. Ладони у него были горячие, обжигающие даже, чуть шершавые. Причём одна из них не замедлила соскользнуть вниз и сжать – ощутимо так! – «нижнюю красоту», или, как говорит тренер в спортзале, ягодичную мышцу.

То есть ещё непонятно, чем была продиктована столь трогательная забота, из-за которой поцелуй прервали – заботой о моём самочувствии в связи с внезапным приступом нимфомании, или же вежливым уточнением, не слишком ли сильно сжали мою задницу.

На мой субъективный взгляд – прям как надо. Как сейчас и хотелось. И даже если потом синяк останется, удовольствие, которое буквально заструилось по телу в следующие секунды, того стоило.

Но я, как и полагается порядочной девушке, решила немного покапризничать. Самую малость буквально. Потому что сил терпеть надоевшую хуже лютой смерти боль не осталось совершенно. К тому же как там говорила тьма? В следующий раз так не повезёт. По логике – и в этот раз не должно было везти. Поэтому нечего вату катать. Я бедная-несчастливая-больная-умирающая. И лечить меня надо срочно! Хватит вату катать.

– Если честно, кое-что беспокоит, – выдохнула ему прямо в губы, прежде, чем снова впиться в них поцелуем.

На этот раз поцелуй длился дольше, и волна желания, окатившая изнутри, отдалась приятным потрескиванием на кончиках пальцев рук и ног. словно слабые удары тока, только совсем не болезненные, а, наоборот, приятные, чуть щекотные.

– Что? – хрипло выдохнул в ответ мужчина, оказавшийся самым настоящим джентльменом, продолжающим во время светской беседы с жаром массировать мои нижние девяносты, покрывать жадными поцелуями уголок губ, щеку, шею, обнажённое плечико. Очень правильным джентльменом, да.

– Болит, – пожаловалась я, и, воспользовавшись тем, что мужчина снова отстранился, положила его руку себе на грудь. – Вот здесь. Кажется, нужно срочно поцеловать...

Мужчина мне попался не просто джентльмен, а джентльмен понятливый, который тут же приступил к неотложной помощи. С такой отдачей и самоотверженностью, что я прям растрогалась. А что касается моей на первый взгляд детской просьбы, ничуть я не кокетничала. Грудь и правда налилась болезненной тяжестью и ныла. До определённого момента.

Результат лечения не заставил себя ждать. Очень скоро болезненные ощущения внутри сменились новыми – приятными, пронзительными. Очень будоражащими.

Стоило признать, что случайный любовник мне попался замечательный.

Жадный, настойчивый – и вместе с тем терпеливый. Властный, бесцеремонный, но при этом невероятно чуткий и заботливый.

Конечно, мне и раньше снились сны эротического содержания. И каждый раз удивляло, как обычные, в общем-то ощущения – приятные в жизни, но не более того, в волшебном пространстве сна обретают некую невероятную глубину и пронзительность, становятся поистине волшебными, крышесносными, чувственными...

И вот сейчас каждое мгновение, каждая пережитая секунда буквально вопила в офигении! Потому, что всё, что было до, в самых что ни на есть расцвеченных и пропитанных эротикой снах было... не тем. Совсем не тем!

Сравнивать всё, что я до этого знала о сексе с тем, что происходило в объятиях этого сильного мужчины с удивительно умным телом (и только потом уже красивым) это как сравнивать, ну, допустим фотографию мороженого – яркую, красочную, при одном взгляде на которую сама собой выделяется слюна и настоящим вкусом этого самого мороженого!

Фото красавчика-актёра в инстаграме – и, чёрт меня побери, самый крышесносный секс с этим самым актёром в реальности!

Меня кружило в некоем радужном, безумном водовороте, я захлёбывалась от острых, пронзительных ощущений, удовольствие невероятной силы прошивало насквозь, вынуждая всхлипывать, вскрикивать, отчаянно цепляться за эту кра-

сочную, совершенно невозможную реальность.

Тело снова и снова прошивало какими-то острыми, невероятными в своей восхитительности разрядами, от чего оно плавилось и всё больше сходило с ума.

Потеря невинности? Помнится, впервые, то есть в той, далёкой, словно несуществующей жизни это была крайне болезненная и, чего там, унижительная процедура. И даже осознание того, что мой парень счастлив, что теперь он точно меня не бросит, как-то не успокаивало. Какая-то часть меня всегда знала, что оно того не стоило. Если по-честному.

Здесь же, благодаря тому, что меня самым действенным образом подготовили – и я сейчас не только о самом лучшем в мире любовнике, из тех, что, вне всяких сомнений, только в фантазиях и встречаются, а скорее о той самой боли, что привела в его объятия, то есть на фоне *той* боли... *эта* показалась совсем лёгкой. И приятного в ней было больше.

– Ты... – мужчина вдруг отпрянул от меня, вытаращив глаза, когда, собственно, сам факт невинности, а точнее уже её потери, всплыл. После чего выдал кое-что совсем уж ошеломляющее. – Ты... настоящая?!

И вот на какой-то момент даже обидно стало. А какая, он думал? Резиновая, что ли? Нет, к акробатическим способностям, гибкости там, пластике и прочим особенностям нового тела вопросов вообще нет. От слова совсем.

Но принять меня за... да откуда ж мне знать, за кого меня приняли-то! Что там происходит под этой черепной ко-

робкой за очень-таки красивым и мужественным лицом? А сразу показался таким понятливым! Впрочем, не понятливостью сей экземпляр ценен. Вот совсем не ей.

Не желая тратить драгоценное и, что более важно, очень приятное время на объяснения, просто притянула к себе его голову и поцеловала. Жарко, страстно. Так настойчиво и старательно, словно от этого поцелуя зависит сама моя жизнь.

И мужчина ответил на поцелуй, смял мои губы, глухо застонал прямо мне в рот, продолжая прерванное. А я почувствовала вдруг странную власть над этим странным, но безумно притягательным йэром. Не знаю, что значит это самое «йэр», но если вдруг окажется, что в этом мире так зовут богов секса – вот ни капли не удивлюсь!

Пластичное пространство сна вновь и вновь играло в свои странные игры. Я не знаю, сколько длилось это безумие. Мне казалось – вечность. Огромную, пряную, немного болезненную и сладкую одновременно. Бесконечную.

Я с удовольствием и полной самоотдачей подчинялась хриплым, отрывистым приказам. Я просила сама, я настаивала, и, перекатываясь с места на место со сплетёнными пальцами наших рук, получала-таки своё.

Не сказать, конечно, что мы много болтали во время интимного, предназначенного только лишь для двоих процесса. Но обнаружив, что этот хриплый голос с беспрекословно-властными нотками чертовски заводит, усиливает и без того пронзительные ощущения, а мои просьбы, перемежае-

мые хныканьем и всхлипыванием, подстёгивают и любовница, заставляя стараться ещё больше, хотя больше, казалось бы, уже и некуда, я с удовольствием обменивалась с мужчиной редкими, но таким чудесным образом усиливающими ощущения репликами, а порой и просто улыбкой и тихим смехом...

Всегда было непонятно за просмотром *тех самых* фильмов – как люди умудряются заниматься *этим* с такими серьёзными лицами? Нет, я не призываю превратить весь процесс в хиханьки-хаханьки, но, чёрт возьми, ну к чему там столько пафоса?

Мир сузился, сконцентрировался в каждом прикосновении.

В каждой нетерпеливой ласке.

Озарил каждую встречу кончиков пальцев, ладоней, губ и прочего каким-то особенным светом.

Углубил. Наполнил реальностью до самых краёв.

Влажной, физической, пряной.

Остальное не то, что отошло на второй план или утратило свою важность... со внезапной ясностью я поняла, что ничего другого вовсе не существовало. Вообще. Никогда.

Только этот чувственный, жадный, утративший всякий стыд рот, твёрдые сильные пальцы на моих плечах, лице, шее... В волосах.

Только это мощное, на удивление соразмерное, обжигающе горячее мужское тело рядом.

Прохладная гладь плаща и мерцание дивных светящихся лиан вокруг.

Ощущение полнейшей незащитности и беспомощности в этих сильных руках напополам с хлёстким, безжалостным удовольствием на грани разумного...

Возможно, этим с трудом выносимым наслаждением я была обязана новому телу, по сравнению с которым моё собственное сошло бы разве что за негнушееся толком, несуразное брёвнышко? Учитывая, что муж не раз (и не два, к сожалению, во время нашего семейного кризиса, который чуть ли не привёл к разводу), называл меня фригидной, это казалось единственно разумным объяснением нескончаемому фейерверку из эмоций и ощущений...

И всё же я знала, чувствовала – дело не в нём. Не в этом теле. И не в том, что всё это – сон...

Резонанс... о, теперь я точно прочувствовала, буквально каждой клеточкой кожи ощутила, *прожила*, что значит это слово.

Отклик. Сонастройка. Единение, превышающее и сметающее в хлам все границы чувственных ощущений. Дарящее всплески удовольствия невероятной силы. Всплески настолько пронзительные и мучительно-острые, что мне остаётся только вскрикивать в унисон хриплым, протяжным стоном и переполняющим моё тело ощущениям.

Вскрикивать так громко, что если допустить хоть на миг возможность ещё одной встречи с этим потрясающим муж-

чиной, я бы, наверное, воспламенилась и осыпалась горкой пепла прямо сейчас, на месте!

А встретившись вновь, постеснялась бы смотреть ему в глаза...

Мужчина хрипло и протяжно застонал, падая мне на грудь и в тот же миг я исчезла, растворилась, утратила границы реальности и упала в разные стороны, растворяясь в мире, который вновь проступил из небытия.

Глава 7

Почему-то я снова очутилась на вечеринке в честь развода Беверли. Первый и самый резонный вопрос был – какого хрена?! И это мягко сказано.

Точно помню, как Майкл увёз меня вчера!

А вот этот самый момент я помню слишком отчётливо! Наоми как раз сменила музыку, и, поскольку новая мелодия показалась слишком громкой, я улизнула на кухню за закусками. Радуюсь, что могу немножко побыть одной.

За мной следом, ещё, помнится, выскочила Мэриан... Вон, в дверях мелькнул розовый шёлк её блузки...

Совершенно не понимая, что происходит, я устремилась за Мэриан. Войдя на кухню, услышала, как хлопнула дверь на веранду. Кухня же была пуста. Не совсем понимая, зачем я это делаю, ринулась следом за Мэриан и внезапно обнаружила, что не могу повернуть ручку!

Пальцы просто проваливаются сквозь неё!

Не успела толком удивиться, что за чушь коровья творится, как меня вдруг качнуло вперёд и я оказалась на веранде! Провалившись сквозь, мать её, дверь!!

И на этом странности не закончились!

Наоборот, они, кажется, только начинались!

Буквально через секунду мне стало уже не до внезапно

обретённого умения ходить сквозь стены, тьфу, двери!

На веранде, ожидаемо, была Мэриан. Не одна. Со мной.

С настоящей мной! И пусть я привыкла смотреть на себя в зеркало и – периодически – во фронтальную камеру айфона, а никак не со стороны... не узнать себя было невозможно.

Высокая стройная блондинка с аккуратной стрижкой. Майка облегает грудь третьего размера, джинсы чуть висят на стройных бёдрах – за последний месяц я сбросила восемь фунтов. На мой взгляд, многовато, но Майклу нравилось...

Только вот зеркало обычно прячет от меня этот усталый вид, скорбные «арлекинки» у губ и тёмные круги под глазами... Да дело даже не в морщинках и кругах, просто... вид у меня был какой-то совсем уж жалкий, чуть ли болезненный. Даже не думала, что я так ужасно выгляжу со стороны.

Неудивительно, что Мэриан так покровительственно обнимает меня за плечи. И бормочет всю эту несуразицу про вуду, Алишу и мою неосмотрительность. Слава богу, «я» прихожу в себя, услышав всю эту мусть, снисходительно щурюсь и сразу становлюсь похожей на ту, прежнюю...

Меня вдруг рывком тянет обратно, протаскивает через весь дом, игнорируя стены, прямо через гостиную, где гости устроили танцы. Скользя мимо друзей, знакомых, приятелей, пытаюсь заглянуть каждому в лицо, просто, чтобы

убедиться... Убеждаюсь. Никто из них меня не видит. Вот взгляд мой замирает на круглом чёрном лице в розовом тюрбане и... сталкивается с совершенно осмысленным взглядом с той стороны! Алиша!

Тётка Беверли! Ручку готова дать на отсечение, она меня видит! Видит!!

Но неведомая сила тянет меня дальше, и вскоре я оказываюсь в призрачном полумраке коридора, что ведёт в спальню. Слышатся шорохи, ритмичные удары, вздохи... стоны сквозь плотно сжатые губы.

Приглядевшись, вижу у стены странно дрыгающееся двухголовое существо, в котором спустя секунду узнаю Майкла, своего мужа и... Беверли, свою лучшую подругу... Которая вообще-то очень тяжело переживает развод!..

То есть, это пока «я»... там, с Мэриан, они... здесь, что ли?

Факт измены почему-то не тронул, совершенно. Раньше казалось, что хуже этого известия ничего быть не может, но ведь раньше также казалось, что ничего не может быть хуже, если муж вдруг разлюбит меня. Когда-то казалось, что не переживу тот день, когда Майкл нахамит мне, нагрубит, обзовёт как-то... Да много чего, собственно, казалось... Жизнь тем не менее продолжается. Выяснилось опытным путём, что есть жизнь и после любви. А миром правит здоровый прагматизм. И гормоны... Так, кажется, я и сказала тогда Алише...

А может, всё дело в том красочном, невероятно реалистичном сне, благодаря которому я узнала-таки (на старости лет, ага)... ч т о е с м ь в действительности с е к с. Вот эти нелепые потуги и подрыгивания Майкла – я теперь точно знаю, не о н. От Беверли я, конечно, такого не ожидала, но возмущение по поводу вероломства лучшей подруги тоже было каким-то вялым, что ли.

А вот когда они наспех привели в порядок одежду и Беверли извлекла из кармана блеснувший в отблесках тусклой лампы пузырьёк, я буквально встала в стойку, аки служебная собака в аэропорту.

Потому что на первый взгляд ничем не примечательный с виду аптечный пузырьёк светился! Играл на лицах изменников тревожными багряными отблесками! А внутри пузырьёка клубилась тьма! Чёрная, беспросветная... Беспощадная. Меня передёрнуло от одного её вида...

Что это за дрянь?!

Удивительно, что Майкл ничего не замечал. Ничего, блин, подозрительного!!

– Вот, – горячо прошептала Беверли, белозубо улыбаясь. – Добавишь ей в питьё. Только не тяни! Сделать это надо уже сегодня! Обязательно, слышишь?!

К чести мужа, на его лице проявилось сомнение. Впрочем, малоубедительное.

– А это точно безопасно? – он покрутил пузырьёк в руках, прежде, чем сунуть в карман джинсов.

– Тётя гарантирует, – Беверли подмигнула. – Энн станет шёлковой, вот увидишь. И подпишет завтра, как миленькая, все бумаги, которые ты ей дашь.

Была бы я сейчас здесь по-настоящему, я бы сейчас поперхнулась. И закашлялась.

Э т о – с тьмой – для меня?!

Мне в питьё подмешать?!

Чтобы я подписала какие-то там бумаги?!

Эм... развод, что ли?

Не сказать, чтоб меня шокировала эта новость, а на фоне того, что было двумя минутами раньше, так и вовсе не показалась новостью. Майклу нужен развод? Да я сама завтра подготовлю бумаги, а рисование пейзажей дивного мира отложу на потом.

Господи, делов-то!

Да я завтра же съеду! Сниму на вырученные с моей части дома деньги какую-нибудь симпатичную мансарду, буду пить горький кофе по утрам и рисовать вволю, без чьей-то кислой рожи рядом и снисходительного: «Ну когда тебе надоест страдать этой фигнёй, бэйб?»

Потому что мои рисунки – ни разу не фигня. Вот совсем ни разу. Почему я раньше не говорила этого Майклу? Не отстаивала своего мнения? Да потому что только сама сейчас поняла, что вообще-то, имела на это право.

Рабочее время в адвокатской конторе урежу вдвое. А то и втрое. Вот куда мне одной такая прорва денег? Да и парт-

нёром становиться не хочу. Это Майкла, если что, мечта, не моя...

– Майкл, нет! – хотела я закричать, когда муж принял пузырьёк с тьмой.

Но крика, понятно, не вышло. Зато удалось заметить, каким злобным огнём сверкнули глаза Беверли.

Никогда не думала, что подруга так меня ненавидит. Что я ей сделала-то? Из-за Майкла, что и? Да пусть забирает, не нужен он мне. Особенно теперь.

Заживу в своё удовольствие, заведу интрижку с тренером, а может и с тем качком из зала... Или даже с двумя. Как-то после сегодняшнего я точно убедилась, что ни разу не фригидна, и дело вовсе не во мне... Вот совсем ни разу!

Следующее, что увидела, был почему-то уже конец вечеринки.

Вот Майкл придерживает мне дверь в машину, сам в это время стреляет глазами на Беверли. При этом, что ещё хуже, по лицам окружающих – сотрудников и приятелей – я вижу, отчётливо, что они в курсе! В с е в курсе их романа! Все! Кроме меня.

Вот как можно было быть такой слепой?!

О том, что утратила способность ладить с материальными предметами, я совсем забыла. Поэтому в машину, как ни старалась, забраться не удавалось. Сперва вроде было всё нормально, усаживаюсь себе спокойно на заднее сиденье, а стоит машине тронуться, как вылетаю через закрытый

багажник и оказываюсь на обочине.

Я вдруг обернулась на Беверли, которая переглядывалась с тёткой. И... в следующий миг усилием воли оказалась в движущейся машине, прямо за креслом водителя.

И вовремя! Как же вовремя!

Одну руку Майкл уверенно держал на руле, другой, – покосившись на меня, спящую на соседнем сиденье – опрокинул в зажатую между коленей бутылку с ледяным чаем тот самый пузырьёк. После чего положил бутылку между сиденьями.

Что будет дальше я уже знала...

Когда муж слишком резко притормозил и меня качнуло на ремне безопасности, я проснулась. Рука с аккуратным маникюром потянулась к бутылке с чаем. Тьма взмыла с пластикового дна и устремилась навстречу к моим губам.

Как я ни пыталась выбить у себя бутылку, впрыгнуть обратно в своё тело – не удавалось. Приходилось смотреть, как исхожу багряным свечением – сперва горло, затем грудная клетка. Вскоре свечение погасло.

Словно что-то осознав, «я» рывком вздёрнула голову и посмотрела на Майкла совершенно осмысленным взглядом. После чего сразу же отключилась. На этот раз голова безвольно упала на грудь.

Майкл нервно покосился на «меня», на бутылку. Сдавленно выругался.

Из машины муж вынес «меня» на руках.

Бутылку с недопитым чаем захватил с собой.

Что же там было, в этой бутылке?

Что это за тьма, которой меня... отравили?!

Кажется, Беверли говорила что-то об Алише, о том, что после тёткиного зелья я стану послушной и подпишу все бумаги. То есть травить меня не собирались, скорее всего подмешали какой-то наркотик. Но что это за наркотик-то такой светящийся? Как у Бессона прям, в «Люси»...

Стоило представить перед собой лоснящееся, толстощековое лицо афроамериканки Алишу, как в следующий миг я уже зависла в воздухе напротив неё.

Алиша что-то бормотала на незнакомом языке и водила руками над чашей с чёрной жижжей. О происхождении жижжи несложно было догадаться, судя по безголовой тушке чёрного петуха рядом.

Бегло осмотревшись, я узнала задний двор дома Беверли.

А в фотографии, наклеенной на лицо восковой куклы, на которую, Алиша, завывая, капала из чаши – себя!

Внезапно Алиша подняла голову и уставилась прямо на меня. Не оставалось ни тени сомнения, что тётка Беверли меня видит.

– Ты всё ещё здесь? – спросила она, как будто не очень-то удивившись. – Зря. Теперь твой дом в другом месте. До восхода солнца ты уйдёшь окончательно.

– Что со мной? Что вы со мной сделали?! – успев свыкнуться со своей бесплотностью, я не ожидала, что Алиша

услышит меня, и, тем более, ответит.

– Беверли просила убить тебя. Чтобы не пришлось делить наследство. Но ты хорошая девочка, хоть и глупая. И гордая чересчур.

Продолжая проводить какие-то манипуляции с куклой с моим фото, и совершенно не обращая внимания на мои попытки разгромить тут всё ко всем чертям, Аиша продолжила рассказывать. Говорила она неторопливо, в голосе негритянки не было злости. Таким тоном пытаются что-то втолковать неразумному дитяти.

– Оставить тебя в живых я не могу. Ты мешаешь счастью моей девочки. Миша (почему-то она назвала мужа русским именем, хотя не помню, чтобы кто-то так называл Майкла в последние десять лет) – её настоящая, единственная любовь. Да-да. Он не твой. Совсем не твой. Можешь, конечно, осуждать меня, считать старой, выжившей из ума ведьмой... Только ведь моей девочке недолго осталось. От силы года два, много три. Жалко позволять ей тратить драгоценное время на все эти бабские склоки и разборки. Считай, что в твой второй шанс – не только на новую жизнь, но и на любовь, на этот раз, и с т и н н у ю, – Алиша коварно улыбнулась. – Завёрнуты мои извинения.

Пожевав толстыми чёрными губами, она добавила:

– И насчёт шоу не сердись. Слишком уж ты меня разозлила своей глупой уверенностью и фальшивой бравадой. За любовь свою тебе предстоит побороться. Ну, иди... Иди,

девочка. Нечего мёртвым делать среди живых...

Завершив свою речь, Алиша отмахнулась от меня с досадой, словно от назойливой мухи.

И какая-то сила вдруг рванула меня назад и вверх, закрутила, завертела, потащила всё дальше и дальше...

Несмотря на бесплотность показалось вдруг, что я задыхаюсь. Мной овладела паника.

...С шумом втянув ноздрями воздух, я открыла глаза и рывком села.

Я была под той самой светящейся ивой.

Рядом, на синей глади плаща, спал голый мужчина.

Глава 8

Да что за чертовщина вообще происходит?! Где я?! Что со мной? Меня заколотило.

Третий раз попасть в один и тот же сон?! Нереально! Кажется, мне и в самом деле подмешали наркотик. Я галлюцинирую! Но разве можно с таким упорством галлюцинировать на одну и ту же тему? Чёрт! Да мне-то откуда знать?! Я вообще в этом не разбираюсь. Я и алкоголя-то не выношу! Зря я согласилась вчера на треклятые «пару коктейлей»...

Не мучилась бы сейчас от этих странных видений о предательстве Майкла и Беверли, о толстой чернокожей ведьме Алише... Это всё навеяно глупыми рассказами Мэриан, не иначе!

Дрожь усиливалась, в унисон ей начали клещать зубы.

Со внезапной, абсолютно беспощадной ясностью я вдруг поняла, что не сплю.

Словно раньше, в первые два раза, я всё ещё не перенеслась в этот странный мир целиком (может, потому и удалось не подохнуть от боли, как Анке), а сейчас, после того, как тётка Беверли *прогнала меня*, это случилось окончательно.

Паника мгновенно овладела всем моим существом.

Блажить не стала исключительно благодаря шоку. И сопутствующему онемению.

И вдруг сквозь тишину прорезался далёкий, но очень зна-

КОМЫЙ ГОЛОС:

– Анка! Или кто ты там, хек тебя побери! Вали давай сюда! Нам ноги делать надо! Сейчас йерхв проснётся, и если распознает в тебе й’эвили, всё, капец! Не уйдём.

Тьма!

Та самая тьма с глазами, что привела меня сюда, девственность терять, чтобы от неё же не скопытиться!

Стоп! Кажется... кажется она ещё говорила, что пробудившаяся после потери девственности магия поможет мне вернуться домой! Точно! Только она и поможет!

– Анка! Я же знаю, что ты меня слышишь, дуй сюда, говорят тебе!

Я оторопело помотала головой. Судя по тому, что чувствовала я себя превосходно, а приступы прекратились сразу же, как только этот йерхв, или, как он сам представился, йэр, прикоснулся ко мне, тьма не солгала. Я оказалась в магическом мире.

Аиша сказала, что к утру я уйду окончательно... В каком часу мы разговаривали, точнее, она говорила, а я бесцельно пыталась прервать её чёрный ритуал? Кажется, пели петухи. Первые, вторые? А может, уже третьи? Даже если так, и сейчас в моём мире – около четырёх утра, есть время! Его совсем мало, но оно есть!

И осведомлённая тьма, которая сходу распознала во мне иномирянку, и вообще вся из себя такая магическая, должна знать, *как* мне вернуться обратно! Не связано ли это, кстати,

с той самой *тьмой*, которой меня опоили там, в моём мире?!

Рассуждая так, я вскочила, и, убедившись, что тело переполняет звенящая лёгкость и энергия, несмотря на (самый длительный в моей жизни) сексуальный марафон, который для этого тела первый раз как бы, устремилась что было прочь из-под этого Древа душ, но... в последний момент обернулась.

Неужели всё то, что здесь было, было правдой?!

Булшит!!!

Так, если желание выжить и заставить мерзавцев заплатить за содеянное недостаточно мотивирующий фактор, то желание провалиться сквозь землю от стыда и никогда не смотреть в глаза этому свидетелю моего падения (Господи, так низко я не падала никогда, вообще никогда, но, чёрт побери! Я же думала, это сон! Мамочки мои!) более, чем веский аргумент!!!

И если это не аргумент – с мужественным волевым лицом, идеальными чертами лица и квадратным подбородком... с сильными руками и умным телом, и... боже, что же я наделала, да меня даже спасение жизни не оправдывает! – то я и не знаю, *что* тогда аргумент!

Мужчина заворочался во сне. Я вытянулась струной и даже перестала дышать. Но он не проснулся. На чётко очерченных губах появилась мечтательная полуулыбка. Хорош, как же хорош!

Никогда его не забуду, но сейчас не до него, честно!

Меня же там, в моём настоящем мире, убить хотят!

Где тут мои шмотки?! Не бежать же голой... Тьмы, наверное, можно не стесняться, но мало ли снова кого встречу. Да не дай бог!!

Надеюсь, тьма вновь выстроит для меня туманную тропинку через пропасть. Должна же, правда? Учитывая, что она меня звала... Значит, ждёт. С нетерпением. Жаль, нельзя откликнуться, йерхв, то есть, йэр, проснётся!

Обернувшись к пропасти, я так и застыла с открытым ртом.

Пропасти не было. Совсем.

Вместо неё... божечки, я такой субстанции и не видела никогда!

Вначале я приняла её за воду. Только вот не бывает такой воды... радужной какой-то, в сполохах. Подвижной и светящейся. Приглядевшись, поняла, что больше всего субстанция, чем бы она ни была, напоминает плотно-плотно сжатый туман.

Это... Это что такое? Верните мне пропасть и дорожку из чёрного тумана!

– Да быстрее же, вот наказание! – снова раздалось знакомое с того берега.

На этот раз я разглядела тьму. Она нетерпеливо подпрыгивала на противоположном берегу и отчаянно жестикулировала сразу несколькими туманными конечностями. В таком виде, издалека, тьма напоминала сердитого паучка с

красными глазами.

– Прямо... – я поспешно закрыла рот ладонью, взволнованно оглядываясь на Дерево душ. – Сюда? – спросила уже шёпотом, чуть ли не одними губами, и с сомнением снова взгляделась в это... чем бы оно ни было.

– Хватит придуриваться! – донеслось сердитое с другого берега. – У тебя сила й’эвили пробудилась! Дуй сюда, говорят тебе!

Я задумалась: а вдруг, если умру здесь, снова перенесусь в свой мир? С этой оптимистичной мыслью я и шагнула в пропасть. В следующий миг бултыхнулась в радужный туман, ушла в светящиеся сполохи с головой, забарахталась, как если б и вправду угодила в воду. Но ниже не ушла, осталась каким-то чудом на плаву!

Тьма больше ничего не говорила, наблюдая за мной с того берега. Лишь её красные глазюки расширились по мере моего приближения.

Бултыхаясь и барахтаясь, изображая не то брас бешеной белки, не то попытки пьяной утки взлететь, под любопытствующим, с осязательной ноткой осуждения взглядом тьмы, я каким-то невероятным образом всё же «доплыла» до другого берега.

– Сколько живу, такое чудо вижу впервые... – вот что мне досталось вместо заслуженной похвалы моим плавательным способностям, а также смелости и находчивости.

После того, как выбралась на берег, выяснилось, что баш-

маки соскочили с ног во время «заплыва».

Ну да ладно, они мне теперь без надобности.

Как же я ошибалась!

– Бежим! – гаркнула тьма прямо на ухо, стоило мне стряхнуть последний радужный обрывок с плаща. – Йерхв очнулся!!!

И усвистела вперёд.

Подобрав платье, я ринулась за тьмой.

Потому что может, йерхв (или йэр, тут уже, как я поняла, непринципиально) и нормальный, и объясниться с ним по-человечески можно было бы, только вот на объяснения времени нет, совершенно.

У меня теперь буквально каждая минута на счету.

Глава 9

Я бежала, не разбирая дороги. Падала и снова поднималась, сбивала ноги о камни... Один раз бултыхнулась в глубокую, мне по пояс лужу с какой-то едкой, отдающей бензином, грязью. Бултыхалась в ней, не в силах выбраться на берег и перебирала все матерные слова, что знаю. Когда привычные американизмы закончились, принялась за родные, русские. Полегчало. Но из ямы не вытянуло. Наконец, тьма не выдержала – она, может, ждала, что я вскоре замолчу, ан нет, особое искусство владения «великим и могучим» не пропѣшь, хотя попытки были, – и за шкурку вытянула меня из ямы.

Я снова понеслась вперѐд, не разбирая дороги, радуясь юному неутомимому телу и открывшемуся таланту видеть в темноте, благодаря которому я без труда различала чёрное облачко, клубящееся между деревьев.

Когда мне стало казаться, что бег этот никогда не кончится, мы оказались на краю реки, на этот раз настоящей, куда пришлось сигануть вслед за тьмой. Меня тут же подхватило течением и понесло вперѐд. Тьма летела над водой, скользя по поверхности и всё повторяла, что «вот уже почти»...

Что именно «почти» я даже не спрашивала, опасаясь захлебнуться. Но когда впереди послышался грохот, который с каждой секундой приближался, я поняла, что, кажется,

мне пришел абсолютный и окончательный «локальный катаклизм в песцовой шубке». Потому что такой грохот я уже слышала. В Аризоне. Так грохотал водопад под названием Гранд. Правда, справедливости ради стоит заметить, что Гранд грохотал не в пример тише. В то время как к *этому* мы ещё и не подплыли!

Выкрикнув и частично пробулькав тьме всё, что я думаю о её гениальном плане и ей самой, я принялась грести к берегу. Но не тут-то было! Течение и тьма, настырно лезущая в глаза и ругающаяся на чём свет стоит, не самые лучшие помощники в тщетной попытке выжить...

Когда грохот достиг такой стадии, что буквально превратился в тишину, оглушив напрочь и избавив от набившего оскомину на зубах визга тьмы, призывавшей меня, дуру, «образумиться и перестать сходить с ума», началось падение.

Длительное! Почти бесконечное!

Поначалу я всё ждала, когда у меня, то есть у тела незнакомой Анки остановится сердце. Сперва с ужасом, а потом с нетерпением. И лишь когда с размаху бултыхнулась в воду, больно приложившись пятками и пятой точкой, вновь подивилась недюжинному, непривычному здоровью. Хотя, возможно, дело в этой самой «йэ»-силе.

– Вставай быстрее, доходяга, мы ещё не на месте! – провизжала, прыгая вокруг тьма, когда я, кашляя и отплёвываясь, выползла на каменистый берег.

– Ты издеваешься?! – наполовину прорычала-наполовину просипела я, но послушаться не посмела и снова понеслась, точнее, уже поковыляла вслед за мучительницей.

Вновь начались колючки, впивающиеся в пятки, падения в лужи и ямы с жидкой грязью. А также стойкой ощущение, что сердце вот-вот выскочит горлом.

Лишь когда мы оказались в каменной пещере, освещаемой лиловыми кристаллами у подножия стен (у одного из таких я споткнулась и вытянулась во весь рост, так, что вполне смогла оценить красоту светящегося кристалла в полном объёме), тьма довольным голосом сообщила, что она молодец, увела-таки меня прямо из-под носа у погони.

И вот на этом жизнерадостном утверждении мне бы взять и умереть спокойно, или хотя бы вырубиться минут так на шестьсот... но вырубаться рано, а умирать слишком рискованно.

Поэтому я – не с первой и даже не с пятой попытки, но всё же села, и потребовала от тьмы немедленного своего возвращения домой.

– А-а-ха! – по тону было слышно, что тьма ослабилась. – Дош-шло, наконец? Больше не будешь взрывать мне голову, убеждая, что тебе всё это с-снится, даж-же я?

– Вообще-то, для того, чтобы взрывать голову, голова всё же должна быть, – вежливо напомнила я.

– Вот ты хамка! Так меня ещё никто не оскорблял!

– Ничего не хамка, – возразила я уязвлённо. – И причём

тут оскорбление? Я всего лишь констатировала, что ты – облако. Потому что это факт.

– Сама – облако!

Я вздохнула и сосчитала про себя до десяти. Время улетало, ускользало, сочилось сквозь пальцы. Я ощущала его ток почти физически. Ссориться с тьмой в мои планы не входило. Да и в интересы тоже.

Поэтому заметила миролюбиво, что раз глаза есть, значит и голова... должна быть.

Тьму, судя по фырканию, мои попытки наладить контакт не слишком впечатлили. Но всё же она ответила великодушно, что у меня голова вроде как тоже... должна быть.

– Послушай, – сказала я. – Ты же сразу поняла, что я – гостья в этом теле! Я не одна из вас, не й'эвили, не чародейка... я – *не из вашего мира*, понимаешь? У нас нет магии, у нас всё совсем по-другому. Пожалуйста... Помоги мне вернуться домой!

– Вот ты нахалка! – почти восхитилась тьма. – А ты ничего не забыла?

– Да вроде нет...

– А кто меня обещал нагвалем сделать?! – рявкнула тьма мне в лицо так громко, что не успевшие просохнуть после заплыва волосы отбросило назад, да и сама я отшатнулась.

– Нагвалем, – кивнула я. – Конечно, помню.

– Ну так?!

– Без вопросов, – оптимистично заявила я. – Не подска-

жешь, как это делается?

– Да ты издеваешься! – рявкнули мне в лицо.

– Ни чуточки, – завершила я, часто моргая.

– Мне-то откуда знать?! – вопль тьмы был таким горестным, что мне стало её (или его, блин) жалко. Но себя, умирающую от руки чернокожей колдуньи по вине мужа и бывшей подруги где-то там, в далёком и совершенно лишённом магии мире, жальче.

– Прости, – я развела руками. – Я, правда, не могу тебе помочь. Если бы я знала, что делать... но я не знаю.

От меня отвернулись и с обиженным видом запыхтели.

– Помоги... пожалуйста...

– Не помогу, – буркнули в ответ. – Будешь знать, как раздавать пустые обещания.

Справедливо. Ничего не скажешь. Но кто мог подумать, что это всё мне не снится?

– Да пойми ты! Я же до последнего верила в то, что сплю! Я так понимаю, что не сразу до конца переместилась. Я, когда отключилась, снова в свой мир перенеслась!

– Ну вот и не возвращалась бы, раз такая умная! – фыркнула тьма.

– Пойми... меня отравили там, в моём мире. Дали выпить какой-то напиток, с клубящейся тьмой.

Тьма обернулась. Посчитав проявление интереса за добрый знак, я продолжила торопливо:

– Муж и подруга сговорились. Попросили ведьму меня

убить. Точно, она сказала ещё, чтоб наследство какое-то не делить. Ума ни приложу, что за наследство, да и неважно это. Я, настоящая я, умираю там! Прямо сейчас! И им всем сойдёт это с рук! Я мешала им – и от меня избавились. Ну разве это справедливо, по-твоему?

– Как по мне, если всё так, как ты говоришь, ты радоваться должна, от счастья прыгать!

– Эм...

– Или хочешь сказать, что в своём мире тоже была й'эви-ли?

– Какое там, – я махнула рукой. – У нас магии нет.

– Тем более! – воскликнула тьма, выпуская призрачные руки и всплескивая ими. – А здесь ты – сильнейшая чародейка! Знаешь, и хорошо, что ты не Анка! Мы с тобой не в Орен-гой пойдём, будь он неладен, а напрямик в Сафос! Да мы таких дел понатворим с твоей силой и моей гениальностью! Ты у меня настоящей лейлой станешь! Меня нагвалем сделаешь! Будет у тебя собственный нагваль, представляешь? Ну, чем плохо-то...

– Да пойми ты! Дело не в магии, и не в этой силе, и не в этом теле даже... и даже не в том, что это всё – не моё... Справедливость должна восторжествовать! Не могу я допустить, чтобы им всё просто так, с рук сошло!

– А что, в вашем мире всё прям зиждется на справедливости? – с недоверием уточнила тьма.

Я хотела соврать, но смолчала.

Тьма хмыкнула, мол, чего и следовало ожидать, и с независимым (и немного обиженным) видом отвернулась.

Молчала она долго. Я десять раз успела отчаяться. И двадцать попрощаться с возможностью поквитаться с убийцами.

Но всё же предприняла последнюю попытку.

– Значит, не поможешь?

– Не помогу, – буркнула тьма. И нехотя добавила после паузы: – Вот ещё. Сама прекрасно справишься. В тебе, впрочем, чему тут удивляться, пробудилась Сила Источника. При обратном переносе она уничтожит... тьму, что дали тебе выпить там. Но сама Сила Источника сойдёт на нет, – добавила тьма горько.

– Миленькая моя, хорошая, красивая... Как это сделать?!

– Пока связующие тебя нити со своим миром не разорвались окончательно, можно переместиться по ним, – буркнули, не оборачиваясь, после ещё более долгой паузы.

– Очень здорово! – воодушевилась я. – А где эти самые нити и как по ним переместиться?

– Глаза раскрой! – рявкнула тьма. – Сила й'эвили тебе на что?!

Я оторопело потрясла головой. Нет, тьму, конечно, можно понять. Обманули в лучших чувствах и тщательно лелеемых надеждах, ещё и туповатую попаданку, которая в магии ни в зуб ногой, подсунули... Но я-то тоже не виновата!

Впрочем, отдышавшись, я отметила, что многое во мне

изменилось. Начиная со зрения и слуха, и заканчивая – а чёрт его знает, чем ещё, некогда выяснять. И дело не только в том, что я стала видеть в темноте, как днём. Просто приглядевшись повнимательнее к освещающим пещеру кристаллам, вдруг поняла, что, если бы не тот самый секс с йэром, я бы этих кристаллов и не увидела. То есть свет, что они излучают, невидим человеческому глазу. Значит, выражаясь языком тьмы, глаза у меня «разуты». Попробуем «разуть» их пошире...

Вскоре я различила, что из центров грязных ладоней и сбитых и чёрных, но чудом уцелевших стоп, тянутся призрачные золотистые нити. Единственные нити, что мне удалось разглядеть. Наверное, те самые и есть.

Тьма больше на мои вопросы не отвечала. Сидела, точнее, парила над каменистым полом, нахохлившись. С азартом и нескрываемым злорадством – только попкорна не хватало – она наблюдала за моими потугами подёргать за нити, тянущиеся из рук и ног.

Я же не сдавалась. С кряхтением поднявшись, и руками размахивать пробовала, и ногами, и даже подпрыгивала, словно хотела повиснуть на этих нитях, как на качелях.

Глава 10

Тьма следила за моими потугами с самым неподдельным интересом и плохо скрываемым ехидством. Ещё и фыркала время от времени, зараза. А когда и откровенно ржала! Гаденький глумливый хохот автоматически погружал в состояние под плинтусом, лишал веры в себя и свои возможности. Умственные, в первую очередь! Что совсем обидно, учитывая, сколько раз меня попрекал ими же Майкл... Сначала я была «чересчур доброй», «доверчивой», «наивной», потом перешла в разряд «глупышек», «дурёх» и «дурочек», и однажды как-то незаметно для себя стала «дурой» и «идиоткой»...

Правда, после этого наш брак чуть было не рухнул (вот знала же, тогда ещё надо было разводиться!). А мы с мужем прошли целый курс у новомодного психолога и раз и навсегда, что называется «отстроили границы в отношениях».

Любовь, конечно, не вернулась, про страсть вообще молчу, но со временем мы научились «уважать друг друга» и «быть партнёрами», так называемой модным словом, «командой».

То есть это я так думала... Но это всё лирика.

Главный вопрос сейчас – и в чём же, спрашивается, Майкл был неправ?!

Воспоминание о бывшем муже и бывшей подруге, до ко-

торых из-за вредной тьмы не могу добраться спровоцировало вспышку гнева, который в считанные секунды трансформировался в самую настоящую ярость!

И я – исключительно от злости и никак иначе – умудрилась-таки повиснуть в воздухе на тех самых нитях, как на качелях. Правда, учитывая, что стоило мне повиснуть на руках, нити, ведущие из стоп, тоже вздёрнулись, вскоре я уже качалась в некоем подобии гамака. Со стороны, должно быть, напоминала дичь, которую аборигены тащат через джунгли на бамбуковой палке...

Чувствовала себя при этом донельзя нелепо. Зато тьма перестала хихикать. А это чего-то да стоило!

– И ничего сложного, тьма, – не упустила я случая поддеть притихшего оппонента. – Вот сейчас ка-ак перенесусь обратно... и без твоей помощи.

– Ага, конечно, мечтать не вредно, – попыталась съехидничать тьма, но вышло откровенно фальшиво, что только распалило и воодушевило меня.

Нити окрепли, засветились, я почувствовала лёгкую дрожь во всём теле, вибрацию, наполняющую изнутри звоном и предвкушением... чего-то хорошего, однозначно!

Радуюсь маленькой, но всё же победе, я попыталась снова сосредоточиться на родном, привычном мире.

Звон в теле усилился.

– Ничего у тебя не выйдет! Вообще ничего не получится! Сейчас ка-ак ляснешься больно! – как-то слишком уж тороп-

ливо заговорила тьма.

При этом она заметалась вокруг, подпрыгивая, словно пыталась достать до моего импровизированного гамака, но допрыгнуть никак не получалось, потому что окрепшие нити непрерывно тянули меня вверх, и это совсем уж выводило тьму из себя.

– Да ты даже не...

Что именно «я не» мне так и не довелось узнать, потому что какая-то сила дёрнула меня вверх прямо-таки рывком. Когда поняла, что сейчас расшибусь о каменистый свод, порода вместе с минеральными вкраплениями вдруг растаяла в воздухе, а я с размаху бултыхнулась в темноту без верха и низа.

На этот раз никакой краткосрочной потери сознания не было. Так, лёгкое головокружение.

Впереди забрезжил свет. Меня несло к нему по чёрному тоннелю на каких-то космических скоростях.

Несколько раз трянуло, как тряпичную куклу, а затем швырнуло вперёд.

Оглухнув от собственного крика, я рухнула на какую-то твёрдую поверхность, больно приложившись ладонями и отбив колени.

По глазам ударил свет, и я зажмурилась.

Если честно, думала, что я просто проснусь в своей постели или куда там меня сгрузил Майкл... Того, что ляснушь обо что-то гранитное, точно не ожидала.

Стоп. Гранитное?!

Меня что, *уже похоронили*?! Или, скорее, готовятся к похоронам – и швырнули пока на чью-то могилку, пока рядом мне собственную роют?!

Проморгаться удалось не сразу.

Уж очень немилосердно резало глаза светом.

Зато, когда всё-таки удалось, я часто заморгала, оглядываясь по сторонам.

Уж всякого ожидала, но такого...

Я стояла на четвереньках на какой-то каменной плите, или, судя по высоте, на каком-то каменном столе посреди светлого, пожалуй, даже чересчур светлого зала. Такого огромного, что и стен-то не видно!

Вокруг были люди.

Много людей.

Женщины в ярких и пышных платьях, с какими-то невысказанными причёсками, все усыпанные камнями так, что глазам больно смотреть, мужчины... тоже в чём-то крайне этим платьям соответствующем. Не то камзолы, не то фраки какие, тоже расшитые всякой блестящей и сверкающей дребеденью...

На первый взгляд дресс-код на народе какой-то старинный, чуть ли не средневековый, а приглядишься – в таких нарядах (что на женщинах, конечно) не зазорно и по красной ковровой дорожке пройти.

Даже неловко стало за свой холщовый прикид, так и не

высохший после купания и не обтрясшийся после грязевых ванн, а потому издающий аромат тины напополам с бензином, с пикантной ноткой мокрого мешка из-под картошки.

Впрочем, смущение моё было недолгим, учитывая, что я вообще-то к ним сюда на этот каменный стол не напрашивалась.

Я домой попасть хотела!

Но что-то явно пошло не так.

Лица окружающих меня людей были вытянутыми, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

Мокрая, льнущая к телу ткань, дала о себе знать ознобом и свербением в носу. Поморщившись от боли в отбитых ладонях и коленях, я оглушительно чихнула.

Первые ряды так и отпрянули, что, в общем-то логично, но всё равно как-то неприятно.

Повисла такая тишина, что стали отчётливо слышны удары пульса в ушах.

В этот миг над головой звякнуло, заставив припасть грудью к каменной плите (задница же осталась откляченной, но не всё же, булшит, сразу!), после чего прозвучало торжественно-раскатистое:

– Лейла Вивиана тель Ингивальд! – лица окружающих блистательных во всех отношениях дам и кавалеров вытянулись ещё больше, напоминая бессмертный «Крик» экспрессиониста Мунка. – Восьмая невеста Отбора серебряного герцога!

Глава 11

Наверное, подобные ситуации как ничто другое подходят под определение «картина маслом». Хотя действо, развернувшееся вокруг, было достойно кисти самого Боттичелли!

Отпрянувшие было граждане неведомого мне государства напоминали сборище любопытствующих котов, которые хотят подойти, но некая космическая сила удерживает на месте и заставляет переминаясь с лапы на лапу, а также тарачить глаза, делая их круглыми и совиными. Хотя, опять же, если говорить о толпе местных модников, разряженных в пух и прах, уместнее было бы сравнение их с павлинами. Но! С совиными глазами. Уж тут что есть, то есть.

Я подняла голову и увидела высоченный серебряный купол, под ним прямо в воздухе парит... нечто. Гигантский кусок жёванного серебра, ну или серебряный самородок. Начищенный такой, до глянца.

Свет же, струящийся из огромных, в три человеческих роста окон, каким-то невозможным образом прилипает к этому самородку намертво, преломляется в его изгибах, и затем стекает вниз, обрушивается водопадом света!

Зрелище, конечно, фантастическое, но под этим водопадом света я и нахожусь, понимая теперь, почему всё никак проморгаться не удавалось. На каком-то постаменте, что ли, или же на столе из светлого камня, очень мрамор напомина-

нающего, но, в отличие от мрамора этот камень тёплый на ощупь и оттенка тоже тёплого, золотого...

...Стою, растерянно и подслеповато моргая, прямо на четвереньках. С всклокоченными и спутанными, не просохшими толком волосами, в мокром грязном платье – плащ на завязках, должно быть, ещё в речке утонул, а может его сдуло, когда меня сюда несло. Сейчас уже не вспомнишь.

В общем, если б кто из великих застал подобное действо, любоваться бы миру (и неважно какому) бессмертным полотном: «Двор и нищенка».

Тишину вдруг прорезал шепоток, который отозвался сразу в нескольких местах и принялся гулять по залу.

– Ингивальд? – звучало слева. – Из тех самых Ингивальдов?!

– Вот *это*?! – раздавалось справа. – Эта... замарашка?

– Должно быть, дурная шутка...

– Больше всего *она* похоже на лесную зверушку.

– Вот и я говорю, не может такого быть!

– *Оно* человек вообще?

– Что-то непохоже.

– Глупости, конечно, она человек, ещё и из такого уважаемого рода!

– Может, это дикий альв?

– Разве альвы, даже те, которые совсем дикари, бывают такими грязными?

– Ну вы же знаете, герольды не ошибаются!

– Если её выбрал Оракул, она и в самом деле восьмая невеста нашего герцога...

Усевшись на пятки и покрутив головой, я разглядела за спинами «придворных» белые колонны, подозрительно напоминающие фарфоровые стволы деревьев из того самого «белого» леса, только на этих не было ветвей, и они были отделаны серебром: в основном, сложным витиеватым орнаментом.

– Восьмая невеста?!

– Да где ж это видано?

– Какая ещё восьмая невеста? – прозвучало капризное уже в полный голос, и все обернулись на этот голос. И я тоже обернулась.

На невысоком постаменте стояла хорошенькая, как куколка, блондинка с золотистыми локонами – изящная, миниатюрная, с огромными, в пол лица голубыми глазами и пухлым капризным ртом. На блондинке было золотое, струящееся платье в пол. С подолом, густо усыпанным камнями.

– Отбор закрыт! – куколка от негодования даже ножкой топнула и камни на золотой ткани так и засверкали. – Все семь невест уже выбраны!

Дамы картинно обмахивались веерами, пряча за ними усмешки, кавалеры весело переглядывались и косились на меня.

То, что я помешала какому-то придворному ритуалу, я уже поняла.

Надеюсь, здесь за это не жгут на кострах.

– Но не можем же мы спорить с Оракулом, – растерянно пробормотала рыженькая девушка, которая стояла рядом с блондинкой, на таком же постаменте и нервно кусала губы.

Блондинка кинула на неё испепеляющий взгляд. В бездонных сапфировых глазах плескалась самая настоящая злость.

Рыжая, впрочем, не ступевалась. Пожала плечами и виновато улыбнулась, причём не блондинке, а окружающим, что на фоне не умеющей вести себя соседки по постаменту было высшим пилотажем.

Я пригляделась к рыжей повнимательнее.

На ней было платье из зелёного шёлка, щедро отделанное серебром и зелёными камнями. Огненные локоны уложены в сложную высокую причёску, на лбу – серебряный обруч с крупным зелёным камнем.

Один из самых расфуфыренных граждан, в пышном фиолетовом парике и серебряном камзоле с фиолетовой отделкой словно отмер после слов рыженькой и мигом оказался возле меня.

Едва потянув носом воздух, страдальчески закатил глаза, что прямо оскорбило. Уж не настолько и благоухает моё мокрое тряпье, чтобы корчить *такие* рожи. И вообще, что он там смог различить в этом одуряющем ароматном облаке, окружающем его самого. Вот уж в самом деле, то, что называется «дышать невозможно»!

Героически справившись с собой, «фиолетовый» поинтересовался хорошо поставленным голосом, эдакий профессиональный диктор с CNN:

– Лейла Вивиана тель Ингивальд?!

– А? – интеллигентно переспросила я, не понявшая ни слова и, если честно, не вполне пришедшая в себя после полёта и падения.

– *Оно* не понимает человеческой речи! – патетично возопила дама в розовом и для усиления эффекта решила картинно упасть в обморок.

Видимо, рассчитывала, что её подхватят стоящие рядом кавалеры, но вниманием всех кавалеров в этом зале владела ваша покорная слуга, в связи с чем пышнотелая красотка грохнулась на такую же пышную, как сама, небесно-голубую юбку стоящей рядом дамы с гладкой причёской и вытянутым постным лицом. Вот увидишь такую в толпе – и невольно устыдишься собственного несовершенства. Весь облик брюнетки, сжимающей в руках небольшой томик с золотыми тиснением (сильно подозреваю, что молитвенник), был преисполнен благочестия и воздействовал на окружающих, в том числе и на меня, укоряюще.

Но когда «розовая» дама грохнулась всем своим немалым весом на юбку «голубой» ... раздался предательский треск ткани. И на одну юбку в этом зале стало меньше. В итоге «голубая» дама осталась в синем верхе платья с воротником-стойкой под самый подбородок и с длинным рукавом,

а ниже пояса... Ниже пояса на даме, сжимающей в пальцах молитвенник были... кожаные трусики в заклёпках. Да-да, те самые, с рекламы сайта интим-магазина. Потаскушечные такие трусики.

Надо сказать, я впервые видела такое чудо – чтобы человек с нормальным цветом лица в один момент становился красным, словно в голове его вспыхнула цветная новогодняя лампочка.

«Голубая» дама сказала: «Ах!» и попыталась пинком согнать «розовую» со своей юбки, что было не так-то просто, учитывая, что «розовая» успела разглядеть сии «труселья для веселья» и прогоняться не спешила, изображая контузию не только от падения, но и от чувства «поврежденного благонравия». Вишенкой на торте выступали ботфорты, которыми «голубая» и пинала «розовую» – чёрные, лаковые, до середины бедра, в общем, всё, как в «документальных» фильмах...

Ночь у меня выдалась нервная, напряжённая, а поэтому глядя на сие противостояние «розового» и «голубого» я не выдержала и прыснула. После чего снова завладела всеобщим вниманием.

«Голубая» дама, которая спихнула-таки «розовую» со своей юбки и одним рывком натянула её на место, посмотрела на меня как будто даже с благодарностью.

А вот «розовой» мой смешок пришёлся не по душе.

Всячески повисая на мужественных руках – кавалеры,

стоящие рядом, всё-таки подсуетились, правда, одаривали при этом восхищёнными взглядами не даму в беде, а её «голубую» подругу, «розовая» патетично воскликнула писклявым контральто:

– *Оно* – дикое! Я *его* боюсь! – при этом не замедлила тыкнуть в меня пальцем с перстнем.

– Это восьмая невеста серебряного герцога! – наставительно сказала «голубая» дама. – Лейла тель Ингивальд!

«Розовая» выразительно фыркнула и сделала глубокий вдох, собираясь, видимо, разразиться некой обличительной тирадой, направленной на нас обоих – и на «голубую», и на меня.

Глава 12

Но я к этому моменту успела более-менее прийти в себя.

В конце концов, попадание в этот блистательный зал, полный напомаженных граждан не самое странное, что случилось со мной этой ночью. Ну честно. Помня, что счёт идёт на минуты, если не на секунды, я изо всей силы зажмурилась в попытке сконцентрироваться и, как могла, настроилась на возвращение в свой мир. Как можно ярче представила наш с Майклом дом на Черри-стрит, свою спальню, себя же, лежащую в расстеленной постели с любимым фисташковым бельём... Или Майкл не стал утруждаться и сгрузил меня на кожаный диван внизу?

Вся поверхность кожи вдруг странно зазудела и нагрелась, как будто в меня плеснули горячим воском для эпиляции, причём со всех сторон.

Мрамор – или что там подо мной – тоже нагрелся, укусив за голые колени и тыльные части стоп. Я ойкнула, но моё тихое «ой» потонуло в воплях окружающих.

Помимо ординарных «ахов» и «охов» преобладали следующие:

– Й’эвили!

– Смотрите, й’эвили!

– Чародейка...

– Значит, и правда, Ингивальд...

– Из Ингивальд или нет, но это й’эвили! Нет никаких сомнений!

– Да что вы несёте! Герольды сказали вам, что это Ингивальд! Сила Оракула выбрала её! Какие ещё вам нужны доказательства, леры и лейлы?!

Хуже всего, что в теле появилась та самая едва уловимая дрожь, знакомая, которая сопровождала меня в переносе в этот самый зал.

Видимо, какой-то заработавший некстати магический артефакт притянул меня, активировавшую магическую силу, как магнит, выдернув из процесса перемещения.

Вот ведь булшит! Как же не вовремя-то...

И эти их вопли только отвлекают, не дают сосредоточиться...

Я закрыла лицо ладонями, изо всех сил настраиваясь на перенос домой. Кожа буквально запылала, камень подо мной раскалился, но меня это, кстати, ни капли не напрягло. То ли дело в этом теле, то ли в силе й’эвили, магии, не знаю... Но мне очень, очень нужно постараться вернуться!

К сожалению, одними воплями народ не ограничился.

Меня самым бесцеремонным образом стащили со стола, причём, судя по сдавленным стонам, те, кто стаскивали, в отличие от меня, обожглись, и, подхватив под локти, потащили куда-то.

Выведенная из себя столь бесцеремонным обращением, я сопротивлялась изо всех сил: дёргалась и брыкалась, как

могла.

– Пустите! Вы не имеете права!! Отпустите! Сейчас же! Мне домой надо, как вы не понимаете! Оставьте меня в покое!!

Но двое мужчин – в таких же пиджаках, что и «фиолетовый», только, в отличие от него, в чёрных и с более скромной отделкой – держали крепко.

«Фиолетовый» же плясал вокруг и призывал «лейлу Вириану» успокоиться, зывал к чести древнего рода, просил «не разыгрывать представление на Отборе его серебряной светлости». В общем, нёс какую-то чушь, которая ни о чём мне не говорила.

– Какой ещё Отбор?! Какой герцог? Вы в своём уме?! Отпустите, сейчас же! Пустите же, кому говорю!!

По лицам окружающих, их восклицаниям, репликам было видно, что они разделились на два лагеря, одни патетично восклицали, что нужно вернуть «эту зверушку», то есть меня «в то болото, откуда она вылезла», другие же бубнили что-то о священном выборе Оракула, и раз Он решил, что в Отборе его серебряной светлости будет восемь невест, а не семь, то так тому и быть!

Тем временем меня дотащили до тех самых блондинки и рыженькой на постаментах и обнаружилось, что таких постаментов всего семь, и на каждом из них стоит по нарядной девице, а за постаментами возлегает огромный лев из того самого, «тёплого» мрамора.

Могучий зверь застыл, вытянув перед собой лапы. Выполнен лев так искусно, что кажется, вот-вот встанет и зевнёт во всю гигантскую пасть... или же бросится прямо на нас, кто знает... Потрясающе живая работа! Респект творцу сего!

Конец воцарившейся катавасии положил, как ни странно, «фиолетовый», который (довольно быстро) понял, что увещевания его исчезают втуне, и ка-ак рывкнет на весь зал:

– А ну, тихо все!! Устроили из Представления Невест его серебряной светлости балаган!!!

Чей-то робкий, но с ноткой ехидства, голос заметил, что «его серебряная светлость сами, мол, на Церемонию Приветствия Невест не явились», в связи с чем «не мешало бы прояснить, верны ли слухи, что герцог передумал принимать наследие», а значит, Отбор отменяется.

«Фиолетовый» снова удивил. Глубоким, прекрасно поставленным голосом профессионального ведущего он сообщил, что «его светлость непременно поприветствует своих невест позже, на балу, а сам факт выбора Оракула как ничто лучше доказывает, что Серебряному Отбору быть».

Обернувшись ко мне, «фиолетовый» заговорил в полтона:

– Лейла Вивиана, метеор вы наш, снег вы наш на голову, гроза посреди ясного неба, я не знаю, я понятия не имею, что за суровые и несправедливые обстоятельства довели вас до такого плачевного положения, но, умоляю, не позорьтесь перед всей страной и не позорьте его светлость? Ну, ради меня, вашего самого преданного поклонника, слуги и раба,

а?!

Заявление о «всей стране» было слишком уж неожиданным, даже «поклонника и рабом» перевесило. Нет, тут, конечно, прорва людей, но что ж это за страна такая? Задавшись этим вопросом, я на время оставила попытки высвободиться, решив заодно перевести дух, и переспросила, обведя глазами зал:

– В смысле – всей стране?

«Фиолетовый» страдальчески вознёс взгляд к серебряному куполу и небрежным жестом махнул рукой:

– А это, по-вашему, что?

Только сейчас я как следует обратила внимание на летающие вслед за «фиолетовым» и замирающие в воздухе, когда он останавливался, прозрачные кристаллы в серебряной оправе.

Поскольку я понятия не имела, что это за они, хлопнула пару раз ресницами.

– Это – проекции Всевидящего Ока, лейла Вивиана! – терпеливо, как если б разговаривал с ребёнком, причём трудным, пояснил «фиолетовый». – Весь Демантуум сейчас смотрит на вас!

– Демантуум? – тихо переспросила я и «фиолетовый» кивнул.

– Королевство Семи Герцогств.

– Но я...

– Ах, оставьте, гроза наша ненаглядная, великолепная

лейла Вивиана! Вы непременно поведаете свою душераздирающую историю Всевидящему Оку, когда мы приведём вас в... э-э-э... более подходящий и уместный для невесты-й'эвили вид! И, несомненно, вы всё-таки завоюете расположение спонсоров, которым сейчас столь неблагоприятно пренебрегаете!!

– Но мне пора домой и...

«Фиолетовый», столь решительно осадивший целый зал и поставивший на место ехидного диверсанта, ко мне проявлял ангельское терпение.

– Что, учитывая, что вас, гроза моя, похитили из отчего дома ещё в младенчестве, неудивительно и даже похвально. Но вас выбрал Оракул, лейла Вивиана! Обратите внимание на кольцо на своей руке!

Пока я таращилась на серебряное, усыпанное алмазной крошкой кольцо на среднем пальце, которого точно раньше не было, «фиолетовый» продолжал:

– Символ вечного круга без начала и конца – и также символ нерушимой магической связи с Серебряным Отбором! Так что с возвращением в отчий дом придётся погодить... Но мы непременно пошлём за вашими родителями, чтобы вы могли повидаться!

– Но...

– И алая роза, доставшаяся вам, как невесте-й'эвили, символизирует вашу смерть для всего остального мира и вашего прошлого для того, чтобы служить во благо процветания

Демантуума! И служение это, лейла Вивиана, начинается со служения его серебряной светлости!!

В смысле – роза? Ещё и роза?! Боже, это точно кошмарный сон...

Отбор, который нельзя покинуть, дебильная роза, прямо как на дебильном же шоу «Холостяк» ...

Я чуть не застонала в голос!

Алиша, будь она проклята...

Ведьма ведь говорила о каком-то шоу! Мол в назидание мне, за то, что высказалась против её любимого реалити-шоу...

Ну вот за что мне всё это, а?!

Глава 13

– Какая ещё роза, – всё ещё с надеждой, которая вот-вот уступит место обречённости, пробормотала я. – Не было никакой розы...

«Фиолетовый» оглянулся, а потом сверкнул глазами на тех, что держали меня за руки.

– Почему не дали драгоценнейшей лейле Вивиане её розу?!

Меня тут же отпустили, правда, обескураженная словами «фиолетового» и ещё больше воспоминаниями о чернокожей ведьме Алише я больше не брыкалась и мигом принесли мне розу с того каменного стола, который со стороны напоминал алтарь со ступенями. Должно быть, по этим ступеням до моего эпичного во всех отношениях появления величественного нисходили остальные невесты, которые были опять же, в отличие от меня, при полном параде. Только сейчас я заметила, что у каждой из стоящей на постаментах девушек в руках было по розе. Белая, оранжевая, жёлтая, зелёная, голубая, лиловая, фиолетовая...

Мне сунули в руки алую розу и пальцы машинально сомкнулись вокруг стебля. Несмотря на то, что уколола пальцы, разжать их уже не получилось, как если бы руку на время парализовало лёгким электрическим зарядом. Не самое приятное ощущение, но в принципе, ничего критичного.

Спустя миг я поняла, что парализовало меня всю. Не полностью, то есть подвижность я не утратила, просто нахлынула волна некоего странного спокойствия и готовности делать, что скажут.

Какая-то часть меня продолжала биться птицей в клетке и кричать, что нужно вернуться домой, но её быстро вытеснило спокойствие, напомнив, что теперь, когда меня, то есть эту самую лейлу Вивиану, выбрал Оракул, покинуть Отбор не получится. При всём желании. А значит драгоценное время потеряно и можно навсегда попрощаться с родным миром и шансом справедливого возмездия...

– А сейчас наша дорогая, наша драгоценнейшая, алмазная лейла Вивиана тель Ингивальд займёт место среди участниц Серебряного Отбора! – улыбаясь в один из летающих кристаллов, провозгласил «фиолетовый».

И... я и рада бы послушаться, и даже сделала уже первый шаг, но... постаментов-то всего семь. И девушек на них тоже семь! Я же лишняя.

В прямом смысле слова – лишняя невеста!

На лицах остальных участниц проступило откровенное превосходство, тщательно прикрываемое напускным сочувствием.

Я беспомощно оглянулась на «фиолетового», продолжая, помимо воли, сжимать в руке треклятую розу.

Но «фиолетовый», кем бы он тут ни был – местным тамадой или магом, похоже, прекрасно знал своё дело. Ничуть не

стусевавшись, сверкая белозубой улыбкой, и сыпля восклицаниями «о, какой конфуз!», «какая интрига!», «вот это накал страстей, я это обожаю!», он обратился к невестам, мол, кто из вас, дорогие и обожаемые лейлы, готов поделиться с нашей неожиданной, как гроза посреди ясного неба, но от этого не менее желанной гостьей местом рядом с собой?!!

Я, естественно, ожидала, что никто не захочет. Ещё чего – делиться местом рядом с собой любимой с такой замарашкой, как я. Наморщенные носы и брезгливо поджатые губы девушек были тому свидетельством. Блондинка в золотом, та и вовсе прихватила изящными наманикюренными пальчиками крылья носа, что заставило меня ещё шире расправить плечи и выпрямить спину.

Вот ведь стерва!

«Фиолетовый» обернулся к летающему за ним кристаллу и забормотал с фальшивой растерянностью.

С фальшивой – потому что несмотря на тихий тон и кажущуюся скороговорку каждое его слово было слышно всем в этом зале – приём, которым в должной степени владеют лишь профессиональные дикторы.

– Благородные жители Демантуума! Граждане Королевства Семи Герцогств! Я, конечно, могу ошибаться, но... кажется, Серебряный Отбор уже начался! Оракул решил устроить внеплановое состязание для наших участниц... Что же перевесит – жажда личной славы или...

– Я готова, уважаемый лер Жефрель тер Суолд, – прозвуч-

чал ангельский голос, и все тотчас уставились на брюнетку на постаменте слева.

– Я ничего другого и не ждал от такой умницы, как вы, драгоценная лейла Алина тель Уиллитон!!! – возопил этот самый лер и по лицам остальных невест было видно, что до них, наконец, дошло, как они просчитались.

Лейла Алина, оказавшаяся брюнеткой с белой фарфоровой кожей, широко распахнутыми голубыми глазами и алыми губами уже протягивала мне руку в приветственном жесте. Кто-то из помощников «фиолетового» подтолкнул в спину, и я, ответив на рукопожатие девушки, как-то неожиданно для самой себя оказалась на постаменте рядом с ней.

Невеста тут же обвила рукой мои плечи, вроде как в жесте дружеской поддержки, который, впрочем, с моей стороны больше ощущался как снисходительно-покровительственный и ослепительно улыбнулась в подплывший по воздуху кристалл, который «фиолетовый» отправил к нам воздушным поцелуем.

Я проследила взгляд Алины и изумлённо уставилась на своё отражение в этой магической приблуде.

Не думала, что в первый раз увижу себя именно так.

Потому что худшего случая нельзя и представить!

На фоне ослепительной и во всех отношениях блистательной соперницы с белой фарфоровой кожей и безупречным макияжем, в алом струящемся платье с шикарной золотой отделкой, с сияющими красотой и здоровьем иссини-чёрны-

ми блестящими локонами я и впрямь смотрелась той самой «зверушкой», как меня сразу тут обозвали.

На голове – воронье гнездо, не вполне высохшие пряди неопрятно свисают на лоб. Серый ворот платья в пятнах и разводах, лица толком не разглядеть – такое ощущение, что прежде чем представить «публике по ту сторону», меня не только валяли в пыли всем двором, но ещё и били, причём долго и нещадно. На самом-то деле это я лбом о дерево приложилась, когда бежала, ну и скулу затем стесала о его собрата... Ещё когда из реки выбиралась, там тоже по камням пошвыряло... Ямы, полные едкой бензиновой грязью, опять же...

Но всё же я и представить не могла, что результат прям настолько плачевен!

Или это на фоне с иголки одетой и причёсанной соперницы с чистой головой?

Теперь понятно, чем обусловлена такая доброта и аттракцион неслыханной щедрости в виде готовности поделиться со мной местом на постаменте...

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что я и без сияющей лейлы рядом выгляжу замарашка замарашкой. Ещё и губа припухла, под глазом синяк... Позорище!

Решительно прервав внимание к своему отражению – зачем лишний раз расстраиваться – я заинтересовалась другим свойством летающего кристалла. А именно: чем дольше я вглядывалась в глубину, смотря как бы *за* своё отражение,

тем ярче эта глубина искрилась и моё лицо распадалось на сотни, тысячи, миллионы ячеек! И из каждой на меня смотрели люди! Лица у них были разные, а вот выражение на них одинаковое. С открытым ртом и выпученными глазами. Что логично, учитывая вид новой, «лишней» невесты, да.

Чем больше я начинала вглядываться в одно из лиц, тем ярче оно проступало и увеличивалось в размерах, так, что можно было различить даже самые мелкие черты, вплоть до родинок, а также цвет волос, причёску, одежду...

Но рассмотреть, как следует сей требующий самого тщательного изучения феномен мне не дали – кристалл в серебряной оправе уплыл в сторону, «поехал» вдоль остальных невест, после чего вернулся к фиолетовому.

«Фиолетовый», он же лер Жефрель тер Суолд, если я не ошибаюсь, имечко-то зубодробительное, обернулся к тому самому каменному алтарю под парящим в воздухе серебряным слитком, туда же уставились и все «придворные», и невесты.

Поверхность слитка на глазах становилась всё более гладкой, а сияние играющих в ней солнечных лучей – нестерпимым.

Кто-то прикрыл глаза тыльной стороной ладони, кто-то смотрел сквозь цветные стёклышки пенсне на палочке, кажется, такое приспособление называется лорнет. Смотрели и в бинокли.

Поверхность гигантского слитка обрела подвижность, она

как будто плавилась в этих обжигающих лучах, бурлила, закипала...

Вот-вот потоки серебра обрушатся на каменный алтарь и хлынут по нему, затапливая всё и вся, и даже постаменты нас с остальными невестами не спасут! Но, поскольку никто и не думал паниковать, наоборот, на напряжённых лицах всё отчётливей и явственней проступали улыбки, сперва робкие, сдержанные, напряжённые, а потом открытые, полные облегчения, я поняла, что опасности эта кипящая серебряная громада не представляет и тоже решила погодить с паникой. Даже воспользовалась моментом, когда на меня не смотрят и не отвлекают и сделала ещё одну упрямую попытку вернуться обратно, сконцентрировавшись на тех самых подведших меня «нитях».

Увы, стоило мне только подумать о возвращении домой, как серебряное кольцо, усыпанное алмазной крошкой, вдруг раскалилось докрасна, ощутимо кусая, а вместо золотых нитей, идущих от моих рук, под пальцами закачались серые безжизненные обрывки, которые спустя пару секунд, чпокнув, втянулись в ладони.

Словно невидимые ножницы подрезали мою последнюю надежду на возвращение домой.

Тем временем поверхность серебряного самородка становилась всё более подвижной, опоясываясь новыми и новыми солнечными лучами. Раздался протяжный звон, постепенно наполняющий пространство и весь зал утонул в море света.

Когда же сияние схлынуло и вокруг снова проступили лица, летающий кристалл взмыл под самый купол и медленно облетел успевший снова застыть парящий слиток, на боках которого проступили светящиеся очертания каких-то не то письмен, не то символов.

После чего кристалл вернулся к «фиолетовому» и тот торжественно объявил в него:

– Отбор наследника Серебряного Герцогства, лера Джареда тэра Эштарда объявляется открытым!!!

Глава 14

После Церемонии Приветствия Невест и Открытия Отбора всем участницам предстояла торжественная поездка во дворец, где нас уже ждал приём с напитками и закусками, а также индивидуальные интервью, в которых полагалось рассказывать свои истории до попадания на Отбор. А именно, где и как до этого мы жили, как мечтали о приглашении на герцогский Отбор и всё в таком духе. В общем, стандартные «пара слов о себе».

Мне же повезло: «фиолетовый», оказавшийся Главным Распорядителем Серебряного Отбора сжалился надо мной и отправил во дворец в крытой повозке, запряжённой какими-то голубыми животными. Впрочем, толком я их не успела рассмотреть.

Толпа, ожидающая невест снаружи не то храма, не то местного ЗАГСа, так и напирала, рассчитывая воочию увидеть «лишнюю», восьмую невесту. Распорядителям пришлось загораживать меня от любопытствующих и галдящих нарядных граждан живым щитом.

Ко мне были приставлены два Распорядителя, имён которых я не запомнила, а учитывая, что это именно они бесцеремонно стащили меня с алтаря и держали так цепко, что на плечах проступили синяки, и не пыталась запомнить. Впрочем, и сами Распорядители, раздосадованные тем, что по

моей вине пропускают всё веселье, всем своим видом напоминали напыщенных и напомаженных индюков в париках (ладно, ладно, павлинов), для которых общение с дикаркой-замарашкой (лягалась-то я здорово, и, наверное, ощути-мо, кажется, даже кусаться умудрялась) грозит утратой чувства собственного достоинства. В общем, попыток к общению не предпринимали. Так что дорога прошла в полном молчании, за что я была Распорядителям даже благодарна.

Я изо всех сил пыталась унять панику и свыкнуться с мыслью, что я – попаданка. Я в новом мире, в новом теле, участница какого-то немыслимого Отбора, на котором я – лишняя. Я ни в зуб ногой местных реалиях, и совершенно не представляю, чем мне всё это грозит. И, главное – как они тут относятся к иномирянам?!

Насколько я поняла, меня угораздило угодить в тело знатной леди, или, как тут говорят, лейлы. Леди, по каким-то причинам ударившейся в бега.

Вопрос – откуда и куда она бежала?

Впрочем, куда – я знаю, глазастая тьма говорила об Оранже. Вопрос – это за место и что беглянка там забыла? И, вопрос – *откуда* она бежала, не из отчего ли дома?! Хотя нет, «фиолетовый» же говорил, что меня украли ещё в младенчестве. Значит, киднепперы (или те, кому её могли передать) и довели настоящую Вивиану до такого состояния, что не пробудившаяся магия её и убила.

Тогда встреча с родителями, которые сходу меня раско-

лоли бы, если бы мы общались ещё на прошлой неделе, не так и страшна. Хотя, должно быть, это то ещё удовольствие – общаться с родителями девушки, чьё тело ты заняла. Если правда выйдет наружу – меня ж запросто объявят злым духом, не знаю, некой энергетической пиявкой или во что они тут верят... И, как следствие, «изгонят»! Булшит!

На многие вопросы, чувствую, могла бы ответить тьма с глазами, но, увы, она осталась в той пещере с кристаллами. Поначалу, я, кстати, подумала даже, что на этот раз меня забросило в новый мир, слишком уж «та» реальность и «эта» отличались. Но потом вспомнила, как меня называли й'эвили и поняла, что мир всё-таки тот.

Это открытие взбудоражило и заставило застонать сквозь зубы: значит, это местными звёздами любуются по ночам *мужчина моей мечты*, как сказала бы героиня любимого сериала. Мужчина, которого я буквально изнасиловала. Хм, вопрос, конечно, кто кого, да, и о насилии там точно не шло речи, но суть, по-моему, ясна... Мужчина, при первой же встрече с которым я, ничтоже сумняшеся, предстала обнажённой и вела себя как последняя... хотя нет, «последние» *так* себя не ведут. Попросту не умеют. Да и не в умениях дело. С тем... воином (ну, если судить по имеющемуся у него мечу) у нас такое сумасшедшее взаимное притяжение было, такое крышесносное желание и чувствование друг друга, что...

Хотя... чего теперь о нём думать.

Я на Отборе, у какого-то герцога. Дошутилась о шоу «Холостяк», блин!

Вопрос: как у них тут по части неперменной девственности потенциальных невест?

Ответ: подозреваю, что в любом мире, времени, эпохе ответ будет одним. И единственным. Это ж не шоу, как у нас, а настоящий кастинг на роль жены правителя. Всё серьёзно.

Вопрос: и что мне тогда делать? Когда эта самая девственность осталась под Древом Душ?

Ответ: а хрен его знает.

А значит вылечу я, как пить дать, с этого Отбора после просьбы предъявить справку со штемпселем о посещении местного гинеколога.

И что тогда делать? Аиша сказала, что к утру я уйду окончательно. А это значит, что даже чародейская сила мне не поможет в возвращении – потому что возвращаться просто-напросто некуда. Моё тело, наверное, уже мертво.

Мысль о собственной смерти, тем более от рук подлецов, прикидывающихся близкими людьми, намочила глаза и сжала горло, но новая реальность была столь невероятной, что раскисать я себе запретила. Надо осваиваться в новом мире.

И Отбор, на который угодила – отличная возможность познакомиться с новой Родиной. А значит, нужно постараться как можно больше выведать о местном мироустройстве и порядках. Поразмыслив немного, я утвердилась в мысли, что Отбор – не самый худший вариант для попаданки. Хоте-

лось бы, конечно, чтобы конкуренток было побольше – тогда можно было бы затеряться в сверкающей, как новогодние ёлки, толпе, но уж... «что выдали». Отдаю должное скромности местных герцогов.

Мне продолжало везти: по прибытию во дворец, который тоже толком рассмотреть не удалось, потому что провели меня через какой-то неприметный ход, явно для прислуги, Распорядители передали меня с рук на руки команде местных стилистов.

Отозвав в сторону главного, важного коротышку в шапочке в пайетках, один из Распорядителей склонился к его уху с крупной бриллиантовой серьгой. Не знаю, кто такие эти й'э-вили, но слух у них, что надо, особенно, если направить внимание в сторону шепчущихся. Из шёпота (довольно тихого, кстати) я узнала, что я и есть *«та самая пропавшая лейла Вивиана»*, которую *«ах, да, да, столько лет считали умершей, бедняжку»*, и вот теперь я *«нашлась, благодаря призыву Оракула»*, но, *«такое ощущение, что я не в себе совершенно и вообще не понимаю, что происходит»*. А может, *«даже вовсе попала под воздействие пожирателя и утратила память»*, *«если вообще не разум»*. *«Таращусь, как дуручка, на Всевидящее Око»*, *«шугаюсь от лерров»*, *«кусаюсь и брыкаюсь, достаиваясь чести принять участие в Серебряном Отборе»* ...

«Одним словом, дикая».

И тут коротышка отколол такую штуку, от которой внутри

всё так и похолодело.

– Значит, эта карамельная детка пришла в ужас при известии о своём участии в Отборе? Может, это оттого, что она, как раз-таки прекрасно осведомлена, чем ей грозит это самое участие?

Распорядитель сдавленно выругался и процедил:

– Все знают, чем невестам грозит проигрыш или ошибочный выбор! Но остальные невесты вели себя достойно!

Стилист покосился на меня и пожал плечами.

– Остальных готовили к Отбору! – назидательно и строго сказал коротышка, и как будто даже стал выше ростом. – Эту же измождённую ягнёночку, – он сморщил свой нос кнопкой, – сомневаюсь. Впрочем, может и правда, угодила к *пожирателям*...

Распорядитель, при одном взгляде на которого было понятно, как ему претит выслушивать умозаключения коротышки в шапочке, тоже бросил на меня взгляд и нехотя процедил:

– Лер Жеффрель распорядился отвечать на все вопросы лейлы Вивианы, ну и, конечно, привести её в подобающий вид к сегодняшнему балу!

После чего оба уже в открытую уставились на меня с таким видом, словно оба сомневались, что это возможно.

Я же немного расслабилась.

Кажется, удача устыдилась, наконец, своих вывертов на сегодня и решила исправиться: более удачной возможности

разузнать о новом мире и придумать нельзя – Главный Распорядитель этого их Отбора распорядился.

Попсовый, казалось бы, ход с амнезией здесь пришёлся как нельзя лучше – он наилучшим образом объяснит мои странности: «иномирские» словечки, если они будут (чёрт его знает, как я их языком овладела и есть ли в нём аналоги для устойчивых выражений), или же абсолютное незнание местных реалий...

Более того, сейчас, когда мозги постепенно собираются в кучку я вспомнила, как тьма звала меня Анкой (не от Вивианы ли сокращенье?), а когда я, думая, что сплю, попросила прекратить коверкать моё имя, первое предположение тьмы было, что я *вспомнила!*

Вопрос: что могла *вспомнить* такого важного настоящая Анка?

Ответ: а хрен его знает. Но, подозреваю, что-то архиважное.

Ох, тьма... Сдаётся мне, уж она бы на многие вопросы сейчас ответила. Если бы захотела, конечно.

Но, к сожалению, придётся довольствоваться другими информаторами, официально назначенными Главным Распорядителем Отбора, чьей участницей я являюсь.

Надеюсь, стилист в смешной шапочке не станет задирать нос и требовать, чтобы его произвели в нагвали...

В первую очередь надо бы выяснить, чем мне грозит проигрыш или некий «ошибочный выбор» и почему оставаться

безмятежными в этом случае могут только те, кого готовили к Отбору...

Глава 15

Следующие часы превратились в «полный-олл-инклюзив» элитного SPA-салона. Тем более элитного, что местные услуги предоставлялись в комплекте с магией. Как мне вежливо объяснили, сие «самым чудодейственным образом усиливает эффект и несомненную приятность процедур».

Меня тёрли и растирали, мыли и скребли, мазали, обёртывали, массажировали и лечили. Ушибы, ссадины, порезы, синяки, шишки... Надо мной охали и ахали, мне сочувствовали и сопереживали, меня угощали умопомрачительными тарталетками и пирожными. Кормили мороженым-щербетом и поили подкисленной газировкой.

Сперва команда стилистов отнеслась ко мне настороженно, даже с некоторой опаской. За что их не осуждаю. Затем, убедившись, что я веду себя тише воды ниже травы (а не то что, как говорится, по прибытию), народ осмелел и выкладывался на полную. Каждый стремился угодить – обезличено и с таким рвением одновременно, что я чувствовала себя по меньшей мере, VIP-клиенткой с платиновой картой, а по большей – самой обожаемой «голливудской звездой», угодившей на приём к фанатом своих фильмов.

Во взглядах, которые ловила на себе было столько немого обожания, столько священного трепета и сочувствия, что невольно задумаешься – относится ли сие сочувствие к мое-

му персональному «бедственному положению», или же к тому обстоятельству, что я – невеста на Отборе?

Потому что весь этот трепет, это всё, конечно, приятное явление, особенно после эпичного «забега наперегонки с тьмой», после которого единственное, чего хотелось по-настоящему – это лечь и впасть в летаргию... Если честно, до сих пор недоумеваю, как выжила и даже не покалечилась – синяки и ссадины, над которыми стилисты чуть ли не слёзы лили, не в счёт. Но как-то подозрительно всё это фанатизмом отдавало, и вот ты уже не VIP-клиентка, оказывается, и, тем более, не Скарлетт Йохансон, а жертвенная овца, которую готовят к закланию.

Потому что всё бы ничего – весь этот мрамор, бани, позолота, минеральные бассейны, ванны из разноцветных, как радуги, смесей, парящие в воздухе фонтаны, массажи в шесть рук и многочисленные маски, обёртывания, щекочущее магическое воздействие – казалось бы, жить можно, а всё равно жутковато, учитывая, с каким усердием меня тут «ублажают». Словно от меня зависят их собственные жизни, а это вряд ли.

И какой тут напрашивается вывод?

Правильно.

Чего-то мне здесь не договаривают.

Поэтому я бессовестно пользовалась привилегией, дарованной «фиолетовым» Распорядителем, а именно – задавать вопросы. И побольше. Собственно, этим я и занималась

при каждом удобном случае, беседуя напрямую с тем самым главным стилистом в шапочке в пайетках.

Его звали Майло. Полным именем представляться отказался. Я так поняла, во всех мирах у «вершителей чужих красот» какие-то свои приколы и заморочки – например, остальная команда обращалась к нему без официального «лер», правда и по имени не звала, а звала просто «мастер». Скромно, так сказать и со вкусом.

Майло руководил стилистами и отвечал на все мои вопросы, проявляя невиданную расторопность и терпение.

Конечно, во время некоторых процедур, общение становилось невозможным, но чаще всего – вполне даже.

С помощью простейшей, как мне объяснили, бытовой магии, мой персональный стилист воздвигал между нами магический заслон – матовую стену прямо в воздухе, через которую проникала исключительно моя голова, в то время, как остальное подвергалось умелому массажу и растираниям.

Помимо этой магической заслонки на стилисте были круглые, как у Гарри Поттера очки, только из прозрачной оправы и с зелёными, в цвет шапочки, линзами – оказывается, они также прикрывают в его глазах мою наготу.

Впрочем, может, это, конечно, и звучит ужасно, но в данной ситуации собственная нагота волновала меня меньше всего. А потому невзирая на усталость и то, что чем дальше, тем немилосерднее меня клонило в сон, я спрашивала и спрашивала.

И чем больше узнавала, тем сильнее шевелились волосы на макушке. В метафорическом смысле, конечно.

Хотя если б они в это время не находились во владении умелых рук команды Майло, сильно подозреваю, зашевелились бы и в буквальном.

Потому что то, во что меня втянули... да даже не втягивали, а зашвырнули, как кутёнка за шкуру – это как раз то, что называется интеллигентным термином «попадос».

Подстава, мать её, из подстав.

Подлянка, пакость, гадость, подлость, свинство... и далее по списку, всё, что взбредёт в голову в качестве синонима к слову гнусность. Мне так поначалу в голову приходили одни маты. Поэтому прежде, чем замучить своего персонального стилиста вопросами по мироустройству, я благоразумно молчала, как пришибленная, радуя Майло своей скромностью и понятливостью.

Признаться, когда меня с головой окунули в местный сервис спа-процедур для випов, к тому же все вокруг оказались такими милыми и заботливыми, я как будто даже расслабилась. Повелась на вежливое обращение и симпатию со всех сторон. Невольно вспомнилось бормотание Алиши, когда ведьма пробурчала что-то насчёт извинений за некое шоу, встречу с истинной любовью и прочее. Подумалось даже, что Алиша решила мне таким образом «компенсировать», как говорится, за «доставленные неудобства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.